

D.D. Несмерев

Высшая
мера

Данила Пестерев

Высшая мера

«Автор»

2026

Пестерев Д. Д.

Высшая мера / Д. Д. Пестерев — «Автор», 2026

Работа Инквизиции - противостоять злу, судить и расследовать, карать и миловать. У зла есть причина и источник, есть лицо и имя... Но у всякого ли? Или есть все же чудовищная сила, единственным смыслом существования которой является хаос? Как сопротивляться такому злу, если оно уже пустило корни в дорогом и любимом человеке? И если Бог молчит, значит ли, что он отвернулся? Иной раз в жестоком и равнодушном мире высшая мера - это высшее милосердие... Нильс и Грета - супруги, избравшие для себя, пожалуй, самую необычную работу: они служат закону в рядах королевской Инквизиции. В мире, где магия под запретом, а один-единственный колдун способен стереть с лица земли целый город, им приходится работать на пределе своих возможностей. На их стороне тактика, лучшие методики расследования и колоссальный опыт... Но могут ли смертные противостоять чему-то немислимому? Следствие уже начато. Отряд пройдет по горячему следу, даже если под ногами будет гореть сама земля.

© Пестерев Д. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
ГЛАВА 3	40
Интермедия 1	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Данила Пестерев

Высшая мера

Глава 1

Солнце медленно поднималось над крышами деревенских домов, изгоняя остатки утренней прохлады. Я сидел на крыльце небольшой корчмы и лениво поглядывал на дорогу, пронизывающую небольшой поселок насквозь. Пыльный тракт был пустынен в обе стороны. Что ж, может, и сегодня удастся провести день в тишине и спокойствии этой деревеньки...

Где-то за оградами вот уже в который раз надрывно заорал петух. Отовсюду слышались звуки медленно просыпающейся жизни. Нет, разумеется, крестьяне начинают свой день раньше — домашняя скотина никому не позволит долго спать — однако, только ближе к этому часу это становилось заметно.

Легкий ветер приносил запахи печного дыма, разнотравья и пыли, скрип колодца и бодрый звон кузницы. Все-таки, есть что-то притягательное в жизни на одном месте. Спокойствие, размеренность, уверенность в завтрашнем дне...

Я машинально крутил в руках арбалетный болт. На какой черт прихватил его из комнаты? Просто хотелось занять чем-то руки. Я не из тех, кто в приступах постоянного страха за свою жизнь таскает с собой все свое оружие. А оно у меня имелось в достаточных количествах. Работа такая, что поделаться...

— Господин... Господин, — донеслось откуда-то сзади и сбоку. — Простите, что тревожу...

Я обернулся. За спиной стоял мальчишка лет четырнадцати — немного несуразный, чумазый — но уже по-взрослому подпоясанный и даже с хозяйственным ножиком на узком ремне. Глаза его неуверенно бегали из стороны в сторону, он был напряжен и сильно взволнован.

— Я внимательно тебя слушаю, — протянул я и как мог дружелюбно улыбнулся. Похоже, вышло не очень. — У тебя какое-то дело?

— Мой отец... — паренек перешел на громкий шепот. — Он сказал, что в этой корчме остановились инквизиторы.

— Да, все так. Я охотник, — я утвердительно кивнул.

— Отлично! Передайте это своему инквизитору, — он быстро извлек из-за пазухи небольшой сложенный в несколько раз листок бумаги. — Или сами...

— Я не грамотен, — коротко ответил я, принимая записку. — А ты как умудрился подойти незамеченным?

— Отец сказал, что надо сделать незаметно. Вот я и пришел, — он махнул рукой куда-то в сторону огорода за корчмой и гордо приосанился.

— Ловко. Молодец, — похвалил я мальчика и поднялся. — Полагаю, дело срочное?

Ответ я уже знал. Что ж, пора браться за работу. Три дня отдыха — невиданная роскошь для людей вроде меня. Бросив еще один взгляд на встающее солнце и спокойную деревеньку, я вошел в корчму.

Хозяин уже приготовил завтрак, судя по запахам. Это я вовремя зашел.

— Господин! Заберете еду сами или мне принести ее вам в комнату? — полноватый хозяин дружелюбно улыбался из-за прилавка.

— Давай я сам, — секунду подумав, ответил я. Подойдя к стойке, я снял с пояса кошелек. — Сколько с меня?

— За двоих — пять денье, — ответил таверщик. Я отсчитал несколько мелких монет и отдал ему. Взяв большой поднос с яствами, направился к лестнице. Угрозило же взять комнату аж на чердаке. После крутой лестницы — узкий коридор, в конце его — обитая железом дверь. Аккуратно, пытаясь ничего не уронить (а это было правда сложновато), я толкнул дверь бедром.

— Грета! Кажется, нашему отдыху конец.

Грета — моя жена. Для остальных, разумеется, Маргаретт, ведь работа инквизитора не терпит фамильярностей. Она будто чувствовала, что подвернется работенка, поэтому уже переоделась в дорожное и сидела теперь за широким столом у окна, углубившись в чтение каких-то документов.

— Славно. Ох, завтрак! — с явным удовольствием протянула она, оторвавшись от бумаг и книг. — Очередное обвинение?

— Может быть, — пожал плечами я, ставя поднос рядом с ней. — Не знаю, но парень, что передал это, явно волновался.

— Сколько раз говорила, выучи грамоту. Так бы хоть сразу знал, что важно, а что — очередные крестьянские бредни, — вздохнула Грета и взяла протянутый мною сверток.

— Ты же знаешь, мне не дано, — я потянулся за своей порцией завтрака. — Слава богу, хоть имя мое писать не сложно... Был бы я каким-нибудь Вильгельмом, ты бы меня насмерть замучила с этими буквами.

— Нильс, ну это ведь так нужно, — попыталась вновь начать она, но я жестом показал, что от местной овсяной каши совершенно оглох.

— Моя работа — ловить нехороших людей и объяснять им, что они ведут себя плохо. Для этого буквы не нужны.

— А мог бы...

— Грета, любовь моя, из нас двоих ты — инквизитор, а я охотник. И что бы мы делали, если бы мы оба были инквизиторами? Каждому свое. Кстати, что там?

Судя по заинтересованному лицу жены, явно предстояло поработать. Не знаю, хорошо это или плохо... Пожалуй, скорее хорошо. Все-таки оседлая жизнь — явно не для меня, а мысли об огороде, скоте и маленьком домике для нас с Гретой приходили в мою голову только когда становилось откровенно скучно. Да и ей, думается, больше нравятся наши постоянные путешествия, хоть они и далеки от романтических.

— Что ж, Нильс, дело безотлагательное, так что выдвигаемся. К счастью, тут не далеко.

Так кто же мы и чем занимаемся? Ну, тут все просто. Мы — Маллеус Малефикарум, или, говоря простым крестьянским языком, Инквизиция. А занимаемся мы... Тут, пожалуй, следует начать издалека.

Маги, колдуны, ведьмы, чародеи и чародейки всех мастей всегда были большой проблемой для простого люда. Что и говорить, если кто-то способен, проведя какой-нибудь ритуал, убить у тебя весь скот, наслать болезнь на детей и побить посевы. И люди всегда старались держаться от колдунов и ведьм подальше. Столетия относительного мира показали магам, что простой люд не способен им противостоять — и совсем потеряли головы. Массовые жертвоприношения, порчи и сглазы, разрушительное колдовство... Бывало, что колдуны сжигали целые деревни или держали в страхе города! Верхом их безумства стало убийство колдуном короля Вильгельма — маги буквально сожгли его заживо, перебив личную гвардию. Его сын Харлаус вознамерился отомстить за отца и не позволить больше колдунам творить зло. В отличие от своего батюшки, новый король явно не боялся крайних мер, и создал Инквизицию.

В наши задачи входит расследование случаев колдовства и их пресечение. Но король Харлаус был не дураком и точно знал — злые люди начнут использовать доносы из зависти друг

к другу, и тогда кровь польется рекой. Поэтому-то инквизиторы — в первую очередь судьи. То есть охотники — вроде меня — обезвреживают подозреваемого в колдовстве, а инквизиторы — как Маргаретт — всецело расследуют его дело и выносят свой собственный приговор. Разумеется, не меньше половины случаев — банальные житейские кляузы, зато вот с остальными приходится повозиться. Может, будь у руля кто-то похожий на меня, мы бы просто раздавали смертные приговоры налево и направо, но, по счастью или к сожалению, это не так. Маргаретт все время мне напоминает, что мы не палачи, а судьи. И я с ней в этом отчасти согласен. Хочется, конечно, иногда кому-нибудь снять голову с плеч лишь за дерзость, но нет такого преступления в судебной книге. А значит, приходится быть терпимее.

Покончив с завтраком, мы с Гретой приступили к сборам. Она встала из-за стола и, после недолгих копаний в походной сумке, буквально через минуту была готова. Поверх мужской широкой рубахи из беленого льна и штанов Маргаретт накинула черную инквизиторскую сутану со светло-серой оторочкой и крупными золотистыми пуговицами. Серый цвет — цвет Инквизиции — означал нашу "беспристрастность и нейтралитет", как мне часто говорила Грета. Другой символ инквизитора — небольшую книгу в темном переплете — Маргаретт по обыкновению закрепила толстой стальной цепью на ремне. Это и был тот самый "Маллеус Малефикарум" или, говоря понятным всем языком, "Молот Ведьм", от которого наша организация и получила свое официальное имя. В этой книге содержались указания по выявлению и пресечению колдовства, были описаны методы следствия и наказания виновных и именно эта книга олицетворяла собой власть Инквизиции, дарованную нам королём. Привычно собрав свои длинные темные волосы, Грета надела высокую широкополую шляпу, ту, что в народе прозвали "шляпой пилигрима". За узкий ремешок, охватывающий тулью шляпы, были заткнуты несколько веточек можжевельника — небольшая вольность ради украшения сукного образа, как говорила Грета.

— Хорошо тебе... — тяжело вздохнул я, глядя на жену. — Мне-то поможешь?

— Ну конечно, — Грета широко улыбнулась. — Куда же ты без меня?

Что ж, мне без жены и правда никак. А в части, касающейся сборов — тем более. И дело не в том, что я ленив или несобран, просто надеть доспехи в одиночку — задача совсем не простая.

Я натянул свой выдавший виды поддоспешник — стеганную куртку и такие же штаны из уже почерневшего от времени, пота и железа льна. Маргаретт уже поднесла ко мне сабоны, латные наколенники и голени. Встав на колени, она стала споро прикреплять их ремнями к поддоспешнику.

— Поберегись, — предупредил я, с некоторым трудом накидывая на себя бригантину, — Не хотелось бы тебя зашибить.

Бригантина — это бригантный доспех, или, как называли ее солдаты в армии, брига. Довольно несложный (в сравнении с полными латами), более дешевый вид доспеха, представляющий собой крупные металлические пластины, приклепанные к основе из сукна изнутри. Подвижность при этом была местами даже лучше рыцарских лат, а в защитных свойствах брига им лишь незначительно уступала. Да и намного легче, что для пешего бойца, вроде меня, было крайне важно.

— Судя по всему, на улице довольно жарко, — протянул я, глядя за окно. — Даже дождь лучше, чем это...

— Ну уж нет. Помогать тебе чистить доспехи после дождя — это уж увольте, — недовольно бросила Грета, закрепляя на мне латный наплечник.

Мои сборы заняли не в пример больше времени. Впрочем, оно и понятно — Грете доспехи были ни к чему. Это ведь я тут олицетворяю грубую силу.

Когда с железом было покончено, я подпоясался, вставил в ножны короткий меч с широким клинком, закинул за плечо арбалет и вышел за дверь.

Снаружи было действительно жарко. Солнце, поднявшись уже довольно высоко над горизонтом, ощутимо палило, хотя до полудня было еще далеко. За моей спиной скрипнула дверь — это Маргаретт покинула корчму. Чуть поправив свою шляпу, чтобы поля защищали глаза, жена протянула мне такую же.

— Не в шлеме же тебе мучаться, — сказала она с заботой. — Пойдем, здесь чуть ближе до конюшен.

Заплатив конюху за постой лошадей, мы тронулись в путь. Дорога предстояла хоть и не далекая, но весьма скучная — большая часть пути пролегла через лес. Ни тебе красивых видов, ни бескрайних просторов... Зато хоть не жариться на полуденном солнце, что для меня было крайне важно. И если бы не странное предписание, заставляющее охотников при исполнении быть полностью облаченными в доспех, я бы вообще во все это железо не втискивался. Но служба есть служба.

Деревенские дома вскоре остались позади, потянулся кажущийся бесконечным лес. Хотя в какой-то мере так и было — весь север страны утопал в густых чащобах, которые заканчивались только на самой границе, у подножия Гартенских гор, суровых и неприступных. Ни крупных городов, ни крепостей — только мелкие деревеньки да пустынные пыльные тракты между ними, по которым лишь изредка возили какие-то товары.

— Да, здесь не то, что в наших краях, — словно прочитав мои мысли, протянула Грета.

— Давненько мы там не объявлялись, — ответил я с легкой грустью. — Да и дорога что-то не лежит.

Оба мы происходили с юго-востока королевства. Там, где теплое море ласкало прибоем берега, где раскинулись виноградники и где жители иной раз годами не видят снега, прошло и наше детство, и наша юность. Мой отец был хозяином небольшого постоялого двора в паре десятков миль от портового городка Мутсберга. Сколотив за жизнь довольно неплохое состояние и обеспечив себе безбедную старость, отец взялся за благосостояние сыновей. Старшего — Эгиля — начал обучать своему ремеслу, двух средних, Норберта и Филиппа, отправил изучать божьи законы в семинарию... Хотел было взяться и за меня, самого младшего, но тут, как говорится, вмешалась злодейка-судьба. Едва мне сравнялось шестнадцать, как отец отдал богу душу, упав с лошади. Не самая геройская смерть, но весьма достойная для человека его положения. Согласно закону и традиции, старший сын унаследовал все отцовское дело и распределил оставшееся наследство между младшими братьями. И если Норберт и Филипп уже хоть как-то устроились в жизни, я совершенно не знал, что делать. Не желая быть обузой, я собрал свои вещи и отправился наниматься в королевскую армию. Моей доли наследства как раз хватило на шлем, кольчугу и алебарду — совсем не плохо, если так посмотреть. За свою недолгую службу повидал всякого — и подавление крестьянского бунта, и пограничные стычки с другими королевствами... И магов, конечно же. Отряды пехоты бросали наводить порядок в деревнях и городках, где набедокурили волшебники. А как иначе? До смерти напуганные крестьяне могли тоже натворить дел, да и крепкие солдатские руки явно были не лишними на разборке завалов и тушении пожаров.

Грета же была дочерью мельника, человека, пусть и не знатного происхождения, но все же весьма состоятельного. Ведь ни один крестьянин не сможет жить без мельницы, а за помол зерна, за его хранение в амбарах, нужно было платить. Кто же не растил зерно, все равно нуждался в муке, которую тоже обычно покупали у мельника. Сыновья у господина Мюллера тогда еще не родились, а дочка росла внимательной и сообразительной. Быстро научившись чтению и счету, уже к четырнадцати годам юная Грета самостоятельно могла вести учетные книги.

Отец, видя такое рвение, не мог нарадоваться и, собрав денег, отправил дочурку учиться в более серьезное заведение, чем местная приходская школа. Уже в городском училище Маргаретт узнала об ужасах, которые творили колдуны — в Мутсберге приключился страшный пожар, учиненный взбесившимся магом. Сгорело и училище, и церковь, и несколько кварталов города. По случаю, мой полк тогда обретался без дела в родных краях. Разумеется, нас и направили на помощь местным. Там, на пепелище библиотеки, мы с Маргаретт, тогда еще шестнадцатилетней девушкой, и повстречались впервые.

— Это бывшее библиотечное крыло, — объясняла девушка собравшимся вокруг нее солдатам. — Будьте осторожны, где-то в том конце помещения был спуск в подвал. Он может быть не виден из-за обломков.

— Люди здесь были, когда вспыхнуло? — спросил командовавший отрядом сержант.

— К счастью, всех удалось вывести вовремя, — ответил стоявший неподалеку от девушки служитель училища.

Солдаты облегченно вздохнули.

Шел уже третий день с тех пор, как завершился опустошительный пожар. Солдаты, день и ночь разбиравшие завалы жилых кварталов, порядком устали, дочерна вымазались углем, от сухого воздуха, пыли и пепла каждого мучила жажда. Но еще больше все страдали от непередаваемого запаха... Запаха смерти, разложения, запаха обожженной человечины. Даже бывалым воякам вроде меня, видавшим не одно сражение, становилось дурно, что уж говорить о вновь прибывших. Поэтому известие о том, что из-под завалов не придется извлекать очередные обугленные тела, вызывало радость.

— Остатки балок и перекрытий необходимо убрать. И мне нужны несколько человек для ответственного задания, — завершила свою речь, по-видимому, одна из местных учениц.

— Нильс, Курт, Дитрих, поступаете в распоряжение юной госпожи, — устало бросил сержант. — Остальным внимание!

Дальше я уже не слушал. Что ж, надеюсь, хоть не придется таскать тяжести.

— Меня зовут Маргаретт, а это, — она указала на староватого мужчину в обгоревшей и грязной мантии, — господин Милиас. До пожара мы были хранителями этой библиотеки. Ваша задача — отыскать в этих развалинах хоть какие-то уцелевшие книги. Их можно приносить прямо сюда.

Что ж, на хранительницу библиотеки эта девчушка явно никак не тянула... Ну, по крайней мере, по моим представлениям. Лично мне всегда казалось, что хранитель — это некто, умудренный годами и опытом, едва ли не лично прочитавший всю библиотеку. Вот, например, как названный господин Милиас. Но уж точно не она. Худенькая девушка лет шестнадцати, вся, как и мы, перемазана копотью и сажей. Темные волосы, собранные в толстую косу, растрепались и покрылись слоем золы, отчего девица, выглядела седой. Видно было, как от усталости дрожат ее тонкие руки, но держалась хранительница библиотеки стойко.

Мы разбрелись по пепелищу, раскапывая горы золы, бывшие, видимо, книжными стеллажами. Некоторым книгам все-таки повезло — страницы хоть и обуглились по краям, внутри все же оставались целыми. Несмотря на бушевавшую не так давно стихию, таких книг было немало. Я где-то слышал, что книги в принципе довольно плохо поддаются огню. Может, поэтому какой-то мудрец говорил, что рукописи не горят?

Собрав изрядную стопку, я понес их к Маргаретт. Она, приспособив какую-то бочку в качестве стола, внимательно разглядывала находки и записывала их названия.

— Ну что, много уже нашлось? — как мог весело спросил я.

— Сто двадцать изданий, — не отрываясь от бумаг ответила девушка. — Разумеется, найдутся и еще... Но в этой библиотеке было больше полутора тысяч книг.

— Ты так грустно об этом говоришь.

— Разумеется! Это ведь знания, накопленные поколениями, — резкий взгляд ее серых глаз был холоден, словно сталь. — Утеря их невосполнима! Думаю, ты должен понимать.

— Честно сказать, не очень, — я пожал плечами. — Меня не успели научить читать.

— Что ж, это большое упущение, — так же холодно ответила Маргаретт, но взгляд ее смягчился. — Думаю, тебе стоит освоить эту науку.

— Пока что в моей солдатской жизни хватает и других забот. И не думаю, что от умения читать их поубавится.

— Может и нет, — рассудительно кивнула она. — Но в некоторых книгах, бывает, скрыты целые миры. Вот, например, одна из тех, что ты принес.

Маргаретт указала на небольшую книжицу. Вид ее по сравнению с другими фолиантами был даже как-то жалок: тонкая, маленькая, с невзрачной обложкой без всяких медных украшений или золотистой вязи.

— И что же в ней может быть интересного простаку вроде меня? — я с недоверием уставился на девушку.

— Это “Сказ о Гуннаре”. Рассказывает об одном очень смелом и храбром человеке. Ему угрожали смертью, вынуждали бежать из своего родного дома. Местный... Ну, вроде как князь, очень хотел его убить. Но этот человек, Гуннар, решил остаться и защищать свой дом до последнего.

— И как, защитил? — с интересом спросил я.

— Против него вышли сорок человек и все — отличные воины, — чуть задумавшись ответила Маргаретт. — Они предложили ему сдаться, но он остался сражаться, многих даже убил, но погиб сам.

— И что же в этом интересного? Это ведь было очевидно.

— А то, что князь, пораженный его доблестью, запретил грабить его дом и не дал оставшимся воинам убить семью Гуннара. И даже приказал его с почестями похоронить.

— Интересная штука... — хмыкнул я. — И что, это было на самом деле?

— Разумеется, — кивнула Маргаретт. — Так что тебе стоит научиться читать как минимум для того, чтобы получше узнать об этом Гуннаре. Может, вы чем-то похожи.

Я раскрыл книгу. На меня загадочно смотрели ряды закорючек-букв.

— И что, это все — вот тут и написано? И никаких картинок?

— Конечно. И если захочешь, я могу попробовать тебя научить, — предложила девушка и тепло мне улыбнулась.

— Ты чего загрустил? — участливо спросила Грета. — Совсем лица на тебе нет.

— А, да все в порядке. Задумался просто, — я пожал плечами. — Сколько уже лет мы по стране катаемся?

— Считай, как Инквизицию создали, так и катаемся. Лет восемь уже, — Грета явно что-то считала в уме. — Да, восемь лет как раз будет через два месяца.

— Не жалеешь?

— На мельнице с родителями было, конечно, уютно, — вздохнула жена. — Но мир-то большой, его так хочется посмотреть...

— На мир посмотреть, — наигранно возмутился я. — Мне казалось, ты ради любви подалась в странствия. Да и что-то мира не видать: леса, деревни, фермы...

— Так это же и есть мир. И не лести себе. Вот был бы ты рыцарь, — съязвила Грета.

Конечно, я знал, что она шутит. Нет, не то что бы у нас вспыхнула любовь с первого взгляда — такое, наверное, бывает только в сказках. Но мы правда довольно скоро понравились друг другу. “Сказ о Гуннаре” я так и не осилил — его полностью прочла мне Грета. Но я

времени не терял зря, так что за два месяца, что наш полк стоял в Мутсберге, мне удалось сблизиться с этой мечтательной и милой девушкой.

— Ты прекрасно знала, что я не рыцарь, — парировал я. — Или что, пехотинец — не достаточно романтический образ? Не как в твоих книгах?

— Ну почему же, у нас весьма романтическая история. Ты же помнишь: когда король Харлаус только основал Инквизицию, я едва ли не в первых рядах побежала записываться. Но, увы...

— Ага, нужно было дозволение от отца или мужа, — вспомнил я. — Мне было проще. Мечом махать умеешь? Добро пожаловать в наши ряды. Ну я и вступил.

— Мне тоже было что им припомнить. Поэтому и написала папе письмо. Очевидно, он своего позволения не дал, — Грета пожала плечами.

— Но ты не ты, если так просто сдашься, да, — я хохотнул. — И вот мы уже устраиваем тайное венчание в той сгоревшей церкви, помнишь, её тогда только начали отстраивать. И я благосклонно даю тебе свое позволение вступить в Инквизицию.

Грета смерила меня испытующим взором.

— Ты. Благосклонно. Ну спасибо, милый муж, за такое добросердечие.

— Вот видишь! Я хоть и не рыцарь, но благороден!

Дорога, сперва едва заметно, но потом все сильнее и сильнее, пошла в гору. Кони, чуть уставшие от многочасовой дороги, пошли медленней. День уже клонился к закату, за спиной осталось несколько миль, но казалось, что к пункту нашего назначения мы не приблизились ни на шаг. Постепенно сгущались сумерки, даря долгожданную прохладу. Наверное, стоило уже задуматься о ночлеге, но Грета все так же продолжала путь, даже не заговаривая о привале. Видимо, осталось совсем чуть-чуть. Внезапно за поворотом дороги заблестели огни.

— Неужели все? — облегченно вздохнул я, глядя на жену.

— Нет, но мы уже довольно близко, — Грета напряглась. — Эй, посмотри, это люди!

И действительно — из-за поворота показалась толпа. Мужчины с факелами и дорожными мешками, женщины с детьми... Шли они торопливо и молча, словно боясь нарушить голосами сумеречный покой. Я чуть прищипил коня и, оказавшись ровно посередине между Маргаретт и крестьянами, спешил.

— Что здесь происходит? — окликнул я их, нервно взявшись за рукоять меча.

— Поворачивайте назад, господин. Не нужно вам в ту сторону, — чуть помявшись, ответил тот из них, что стоял впереди всех.

— Мы едем в деревню Белый Камень.

— А мы как раз оттуда. Нечего там делать доброму господину.

— Может, вы объясните, что стряслось? — крикнула из-за моей спины Грета. — Мы можем помочь.

— Ничто уже не поможет Белому Камню, — вздохнул крестьянин. — Это место проклято, гиблое место.

— Колдунья! Она прокляла нашу землю! — закричала какая-то женщина.

— Это как раз по нашей части, — успокоительным тоном заявила Маргаретт. — Сохраняйте спокойствие. Работает Инквизиция.

Деревня Белый Камень являла собой весьма удручающее зрелище. Несмотря на уже поздний час и темноту, лишь в нескольких домах тускло горели огоньки окон. Тишина, расстелившаяся над поселением словно пуховое одеяло, будто отрезала, глушила любые звуки — ни скрипа калитки, ни шума ветра, ни шелеста листвы. Не слышно было даже домашнего скота, что и вовсе повергало в шок.

— Тут определенно что-то не так, — протянула Грета.

— Колдовство, не иначе, — произнес я, спешившись. — Постою тут, я найду кого-нибудь из местных. Не все же дали отсюда дёру.

Грета кивнула и извлекла из-под полы длинный и тонкий кинжал.

— Осторожнее, Нильс.

Я молча дернул ближайшую к нам калитку. Та послушно отворилась. Вот только вряд ли это связано с тем, что крестьяне Белого Камня особенно гостеприимны. Посреди небольшого захламленного двора стоял довольно добротный дом. За одним из маленьких окошек едва заметно горел свет — кто-то из хозяев жег лучину. Осторожно, стараясь ничего не задеть, я прошел к крыльцу. Дверь сеней тоже оказалась не заперта.

— Эй, живые есть? — крикнул я в темноту дома. — Я из Инквизиции.

Ответа не последовало.

Я вновь нервно взялся за рукоять своего меча. Чертовщина творится, не иначе.

Из сеней я попал в просторную комнату с печью. Глаза уже привыкли к темноте, так что мне удалось разглядеть весьма странный беспорядок.

Все в доме было перевернуто — лавки, стол у дальней стены, на полу валялась разбитая посуда. Но это не выглядело следами борьбы — здесь не было боя. Казалось, будто некто неистово метался по комнате, в гневе круша обстановку, бросая стулья, опрокидывая скамьи, разбрасывая домашнюю утварь.

Сделав еще пару шагов, я с ужасом остановился. В полоске света, тянувшейся от окна, лежала женщина, глядя в пустоту остекленевшими глазами. Лицо незнакомки было обезображено гримасой страдания, волосы казались клочками выдранными, а одежда была изорвана.

— Во имя святых, — проронил я и вырвал из ножен свой меч. Тяжелый и короткий клинок, созданный для жестокого ближнего боя, пришелся как раз кстати — если придется драться, то даже в этой тесноте можно рассчитывать на победу.

Я огляделся, но никого, кроме меня и мертвой женщины в комнате не было. В дальнем углу обнаружилась дверь, из щели под ней виднелся свет. Не долго думая, я метнулся к ней и попытался толкнуть. Дверь чуть поддалась, но полностью не открылась, будто была подперта с той стороны чем-то тяжелым.

— Это Инквизиция, откройте! — рявкнул я. Ответом мне была тишина. Что бы тут ни происходило, надо действовать решительно, подумалось мне, и я буквально вылетел во двор. В два прыжка оказавшись у окна той запертой комнаты, рукоятью меча я разбил окно и вскочил внутрь.

Дверь в комнату, оказавшуюся чуть меньше предыдущей, действительно оказалась подперта столбом. В углу крохотным огоньком горела лучина, озаряя все неясным светом. Рядом с ней, свернувшись калачиком, лежала девочка лет десяти.

С замиранием сердца я приложил ладонь к ее шее. Под пальцами едва-едва бился пульс.

— Что же здесь, вашу мать, творится!? — вслух выругался я.

Без долгих раздумий, я откинул стол от двери, взял ребенка на руки и устремился прочь из зловещего дома.

— Грета! Грета! Это просто какое-то сумасшествие, — орал я, выбегая на дорогу.

Маргаретт моментально спрыгнула с коня и бросилась ко мне.

— Что с ней?

— Я... Я не знаю, но внутри дома настоящий бедлам, — сбивчиво начал я.

— Здесь мы ей не поможем.

— Эй, вы кто такие? — послышался чей-то незнакомый голос.

Не успев даже о чем-то подумать, я вскочил и махнул мечом куда-то на звук.

— Спокойно, спокойно! — испуганно вскрикнул незнакомец.

Перед глазами будто все прояснилось. В шаге от меня стоял невысокого роста лысеющий мужичок. Острие моего меча было нацелено прямо ему в горло.

— Инквизиция! — выдохнул я, отводя меч.

— Слава богу! Вы все-таки получили мою записку, — он воздел руки к небу. — Я деревенский староста. Берите девочку и скорее за мной!

* * *

Нильс ходил из стороны в сторону, меря широкими шагами просторную комнату в доме старосты, каждое движение отдавалось лязгом стальных пластин. Руки, закованные в латные перчатки, сжаты в кулаки, задумчиво-суровый взгляд направлен куда-то перед собой.

— Так, еще раз для ясности все повторим, — сказала я, обращаясь к сидящему рядом со мной мужчине. — Так сказать, для верности протокола.

— К черту бумаги, Маргаретт, — прогудел Нильс, ненадолго остановившись рядом со столом. — Ты же видишь, что все это — колдовство. Отсечь голову ведьме и дело с концом.

— Не стоит делать поспешных выводов, — я попыталась мягко успокоить взволнованного мужа.

— Поспешных? Маргаретт, половина крестьян мертва, большая часть выживших бежали, другие — запуганы до смерти. В конце концов, эта девочка! Она умирает! Может, если успеть уничтожить колдунью, удастся развеять заклятие.

— Мы не знаем, с чем имеем дело. Это может привести к еще большим проблемам, — привела я весомый, на мой взгляд, довод. — Так что прошу, не мешай работе Инквизитора. Мы спасем больше людей, если будем действовать разумно и обдуманно.

Нильс глубоко вздохнул, на мгновение скривился, но все же согласно кивнул.

Маргаретт

— Итак, приступим, — я перевела взгляд на старосту. — Я прочитаю, и если вдруг что-то захотите добавить — говорите, хорошо?

Мой собеседник кивнул.

— Итак, вы, Курт Нойманн обвиняете некую Анну Штайнер в колдовстве. По вашим словам, она навела на деревню “морок безумия”, так?

— Все в точности так.

— Жертвы “морока” сходили с ума, бросались на соседей и прохожих, выли, неистовствовали и вели себя крайне опасно, верно?

— Да, это был настоящий ужас... Мне было так страшно!

— По вашим словам, это длится уже три дня. И вчера вы, узнав о находящихся неподалеку Инквизиторах, прислали через своего друга записку с анонимным доносом.

— Я боялся, что ведьма прознает обо мне и убьет раньше, чем вы прибудете, — мужчина испуганно закивал.

— Хорошо, прошу вас подписаться здесь, — я подала ему несколько листков бумаги. — Этим вы подтвердите ваши показания.

Мужчина дрожащей рукой вывел закорючку под текстом документа.

— Итак, а теперь я задам вам еще несколько вопросов. Постарайтесь ответить как можно более полно и точно, хорошо? — я дружелюбно улыбнулась старосте. — Это сильно поможет делу.

— Да, разумеется. Буду честен и точен.

— Как давно вы знаете Анну?

— Очень давно. Можно сказать, почти с самого ее рождения. Мы были дружны с ее отцом, Готлибом. Он, можно сказать, был моим старшим другом.

— И она уже тогда проявляла склонности к магии?

— Нет, что вы, — Курт отмахнулся. — Это была замечательная и веселая девчушка, милая и добрая. Росла такой сообразительной, что отец, когда ей исполнилось четырнадцать, отправил дочь куда-то учиться... Он говорил, мол, в городе наберется ума и, как вернется, поможет ему вести дела.

— А чем занимался Готлиб? — я прервала рассказ Курта. — Вы хотите сказать, у него было свое дело?

— Да, верно. Он еще в молодости построил в нашей деревне лесопилку рядом с Гремучим ручьем. Собственно, там мы и познакомились, он нанял меня туда на работу и мы вместе с ним трудились.

— Хорошо, это понятно. Так что его дочь, выходит, образованная особа?

— Да. И в этом и есть загвоздка. Полгода назад старина Готлиб умер — говорят, приключилось плохо с сердцем прямо во время работы... Бедолага, а такой был силач! Видел лично, как он подкову разогнуть мог!

— Так, это к делу имеет отношение весьма опосредованное, — я жестом остановила старосту. — Что с того, что хозяин лесопилки умер?

— А то, что его дочурка буквально на следующий же день приехала в деревню. Сказала, ей пришлось бросить учебу, чтобы проститься с отцом. Но мы-то знаем, что отсюда до города дня три пути! Эта ведьма своего отца извела! — лицо Курта покраснело, он почти срывался на крик. — Поселилась в его доме, взялась за лесопилку...

— И что в том такого? — вновь прервала я собеседника. — Это ее наследство по праву.

— А то, что не может баба мужиками руководить! Богом ей не положено того! — Курт, встретившись со мной взглядом, вдруг осекся. — Ну то есть...

— Не важно. Что было дальше?

— Рабочим не нравилось, как она повела дела. Выплаты урезала. Они тогда и обратились ко мне, мол, по старой памяти и по знакомству урезонь девчонку. Я и согласился. Пошли, значит, рабочие со мной во главе с ней разбираться и договариваться, а она вон как взвилась! Сказала, мол, как прикажет, так и работать будут. Мол, иначе, всех проклянет. Понятное дело, мы повздорили... Так она выгнала нас из дому и сказала, что прокляты мы все теперь на три колена, и что и скот наш помрет, а самих бешенство возьмет.

— И вы полагаете...

— Да! В этом своем городе связалась с колдунами, выучилась у них ворожбе и проклятиям и теперь решила тут свой порядок навести. Ведь все так и случилось! На следующий же день скот умирать начал, а к ночи и вовсе светопреставление началось. Все с ума посходили, орал, вопили, чуть глотки друг другу не грызли. А дальше я уже рассказывал.

Староста закончил свое повествование и победным взглядом обвел комнату. Нильс, сидевший до этого молча, встал и произнес:

— Коль ведьма, так и разберемся с ней соответственно. Но смотри, обвинение-то нешуточное. За это и на месте голову с плеч снять можно.

— Я за свои слова поручиться готов, — серьезно ответил Курт.

— Что ж, на этом я предлагаю закончить, — я поднялась со стула. — Господин Нойманн, где мы можем расположиться?

— А, конечно. Прошу за мной, я отведу вас в гостевой дом, — староста расплылся в подобострастной улыбке.

— А девочка? — Нильс указал на лежащего на широкой скамье ребенка.

— Я пригляжу за ней сам. Не извольте беспокоиться.

— Славно, — задумчиво протянул Нильс и вышел за дверь. Я последовала за ним.

— Что ж, пожалуй, ты была права, — начал Нильс, едва дверь гостевого дома закрылась за старостой Куртом. — Дело и в правду как-то нечисто.

— Хочешь сказать, никому голову рубить не надо? — попыталась пошутить я.

— Хочу сказать, что теперь все не кажется таким уж однозначным, — примирительно кивнул муж. — Есть идеи?

Я задумалась. По-хорошему, конечно, расспросить бы местных, узнать, как они относятся к Анне. да вот только скорее всего Курт уже позаботился об этом — деревенские жители напуганы и вряд ли будут сомневаться в том, что дочка хозяина лесопилки — ведьма.

— Лично я предлагаю начать с того, чтобы задержать предполагаемую колдунью, — начал Нильс, заметив, по-видимому, мое замешательство. — Во-первых, сможем поговорить с ней лично, во-вторых, покажем Курту, что всецело ему поверили. Ну и обезопасим девушку от линчевания.

— Разумно. Займись этим, а я попробую узнать от местных побольше. Может, удастся кого-нибудь разговорить.

Что ж, это было похоже на хоть какой-то, но план. Надеюсь, вскоре все станет на свои места. А пока — утро вечера мудренее, как говорится.

* * *

Нильс ушел, едва на востоке забрезжил свет. Что ни говори, а задерживать кого бы то ни было гораздо легче, застигнув его врасплох в собственной постели. Мне он всячески запрещал вмешиваться в подобные мероприятия — никогда не знаешь, что на уме у очередного колдуна. Да и чем я могу помочь хорошо вооруженному и тяжело одоспешенному профессиональному бойцу? Разве что только не мешать.

Моя часть работы должна была начаться чуть позже, однако, мне не спалось. Облачившись в инквизиторское одеяние, я вышла на улицу. Белый Камень был и правда довольно крупной деревней. Крестьянские домики, раскиданные по склону, казались игрушечными. Здесь, почти на вершине холма, стоял дом старосты и тот самый гостевой домик, в котором мы и остановились на ночь. Выше был только дом, ныне принадлежащий Анне Штайнер, а за ним стоял стеной темный бесконечный лес, уходящий в горы. Я вдохнула свежий утренний воздух и залюбовалась. Все же, если б не это происшествие, жизнь здесь можно назвать тихой и размеренной.

Спустя несколько минут в окна домов стали появляться огоньки. Деревня постепенно просыпалась. Вот только у самого подножия холма царил тьма и запустение. Занятно, но три или четыре нижних улицы казались покинутыми своими обитателями, а выше — жизнь текла своим чередом. Мои раздумья прервал звук колокола. Неужели тут есть церковь?

И действительно, на восточной окраине деревни, почти у самого леса стояла небольшая церквушка. Беленые стены, двускатная крыша с потемневшей черепицей, небольшая башенка-колокольня... Что ж, стало быть, Белый Камень — отнюдь не такое захолустье, каким мог показаться на первый взгляд. Значит, вокруг есть несколько деревень поменьше и наверняка работники оттуда нанимаются на работу на лесопилке. Пожалуй, никто не расскажет мне о жителях лучше, чем местный священник.

Вопреки моим ожиданиям, возле церкви не оказалось никого. Колокол призывно гремел с высоты колокольни, но казалось, будто никто его не слышит. Спустя несколько минут замолк и он. Я несколько замешкалась на крыльце, перебирая в уме все вопросы, которые мне следовало бы задать. Вдруг из-за приоткрытой двери раздался спокойный голос:

— Вам ни к чему стоять у порога, входите.

Дверь с легким скрипом распахнулась, и я оказалась лицом к лицу с довольно молодым священником.

— Госпожа инквизитор, — он чуть склонил голову, продолжая держать дверь. — Я предполагал, что вы рано или поздно окажете мне честь своим визитом. Прошу вас, проходите.

Внутри старой церкви было тихо и пустынно, пахло ладаном, воском и книжной пылью. Свет, пробивавшийся сквозь витражное окно над алтарем, красил ряды скамеек в причудливые цвета. Я медленно дошла до первого ряда и села в ожидании священника. Будто снова окунулась в детство... Недалеко от нашей мельницы в одной деревне была почти такая же церковь. Я до сих пор помню это ощущение спокойствия и мира, которым было буквально пропитано все — от скрипучих половых досок до массивных балок, державших крышу. Так же, как и тут, пахло книгами и благовониями. Я помню, как настоятель того храма учил меня чтению и счету, как собирались на мессу жители окрестных поселков, как каждое утро звенел колокол... А впереди было так много неизвестного и оттого манящего и волнующего, ощущение скорого счастья, как это обычно бывает между детством и юностью. Что ж, как минимум мечта о приключениях в моем случае сбылась — и тем труднее признать, что скучаешь по родному дому.

Я тряхнула головой, освобождаясь от сладостных воспоминаний. Рядом со мной уже сидел настоятель и довольно шурился от проникающего в церковь солнечного лучика.

— Простите, я не заметила вас, — смущенно проронила я, оправляя полы своей сутаны.

Настоятель повернулся ко мне. Он, кажется, не на много старше меня: светлые аккуратно причесанные волосы не были подернуты сединой, чуть прищуренные зеленые глаза смотрели внимательно, будто с какой-то хитрецей. Не было в его лице свойственной образованным старикам усталости, он казался живым и энергичным. Был он скорее худощав, среднего роста и, хоть и не выглядел грозно и сурово, все же казался строгим и серьезным человеком.

— Ничего. Я не хотел нарушать ваших раздумий, — он улыбнулся. — Полагаю, у вас есть важные вопросы?

— Да, вы очень проникательны. Кстати, почему никого нет на мессе?

— Люди боятся, — священник нахмурился. — Некоторые сбежали, другие не решаются покинуть свои дворы. Среди людей ходят разговоры о ведьминском проклятье.

— Что вам известно по этому поводу?

— Говорят, Анна Штайнер навела порчу на всю деревню. Одни считают, что проклятье распространяется ветром, другие думают, что магия разносится мухами. Так или иначе, погибло много людей и еще больше скота, в основном — у подножия холма.

— Вы думаете, Анна могла...

— Нет. Я знаю ее и ее семью достаточно давно — мы даже общались до того, как я уехал из деревни изучать богословие, — четко ответил настоятель. — Злобными ведьмами не становятся в одночасье. Да, Анна никогда не лезла за словом в карман и бывала... Как бы это сказать... вздорной девчонкой. Но убить столько людей — нет, точно нет.

— У вас есть какие-то подозрения на этот счет? — продолжала я задавать стандартные вопросы.

— У меня нет подозрений, да и кто я такой, чтобы кого-то обвинить, — настоятель покачал головой. — Но я практически уверен в том, что дело тут совсем не в колдовстве.

— О чем вы? — я заинтересованно подседа ближе.

— Опыт подсказывает... В общем, сразу после моей учебы меня назначали помощником в местные храмы, мол, поднабраться опыта. Но мне, как бы это сказать, хотелось свершений. И поэтому нанялся капелланом в армию. Собственно, там я и повидал, как обычно действуют колдуны. А еще тесно общался с полковым хирургом. Он рассказывал, что есть какой-то корень, из которого он готовит вытяжки. Если давать его в меру, то он давал солдатам успокоение и крепкий сон, но если переборщить... Тогда они бросались друг на друга, кричали от ужаса и рассказывали о демонах, что им мерещатся. Иные погибали от разрыва сердца после такого, другие — спустя день или два от истощения, ведь они не могли ни есть, ни спать, а лишь вопили и беспорядочно бегали.

— Вы видели такое сами? — я внимательно посмотрела ему в глаза.

— К счастью, нет. Но увидев то, что творилось тут пару дней назад, явственно вспомнил тот рассказ.

— То есть, вы предполагаете, что жителей деревни отравили?

— Это единственное объяснение, которое кажется мне разумным. — настоятель уверенно кивнул.

— Но как?!

— А это мне неизвестно. Как и не ясно, кто мог пойти на такое зверство. Но я лишь хочу сказать, что считаю Анну невиновной.

На какое-то время повисла гробовая тишина. Что ж, лучшего информатора нельзя было и пожелать. И если человек, сидящий передо мной, не ошибается, то налицо подлая попытка выставить виновной новую хозяйку лесопилки. А кому это может быть выгодно? Что ж, есть пара версий...

— Как вас зовут? — запоздало я задала вопрос, с которого следовало начать.

— Меня зовут Фридрих Шнайдер. Можно отец Фридрих, — он вновь почтительно кивнул головой.

— Благодарю вас, отче, — сказала я. Хотя было странно говорить это человеку, который уж точно не годился мне в отцы.

— Очень прошу вас, разыщите негодяев. Я, эта церковь и архив полностью в вашем распоряжении.

Коротко кивнув, я быстрым шагом покинула церковь. Сомнений почти не осталось.

Подходя к гостевому дому, я услышала гомон, будто все население деревеньки собралось в единую топу. То и дело слышны были чьи-то гневные выкрики, после которых поднимался одобрительный гул. Ускорив шаг, я буквально вылетела к перекрестку, где и стоял гостевой домик старосты — наше временное пристанище.

Люди. Они были повсюду. Они заполонили улицу, кто-то сидел на заборах, другие толпились у крыльца. Вся эта пестрая шумная масса постоянно двигалась, перемещалась, словно была единым живым организмом. Хотя почему “словно”? Нет на свете зверя страшней, чем недовольная толпа.

— Повесить! Нечего с ней цацкаться! — кричал кто-то низким грубым голосом. Толпа согласно гудела. — Отдайте ведьму нам, мы сами будем ее судить!

Что ж, кажется, задержание Анны Штайнер не прошло незамеченным. Как и все вести в деревнях, эта быстро облетела жителей и теперь, спустя всего пару часов каждый крестьянин знал, что ведьма схвачена.

Здраво оценив, что продираться сквозь недовольных деревенщин не слишком безопасно, я решила пойти в обход. Что мне, в первый раз лазить через чужие огороды?

Нильс

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие! — уже в который раз пытался я успокоить сидящую передо мной девушку. — Никто из этих людей не войдет сюда, вы под защитой инквизиции.

Анна Штайнер сидела на табурете и в панике озиралась, стараясь при этом не встречаться глазами со мной. Ее была мелкая дрожь — от холода ли, или от пережитого потрясения. Пожалуй, скорее второе. Все-таки с выбиванием двери я чуть переборщил, да и хватать и конвоировать девушку прямо в ночной рубахе было явно чересчур. Я, конечно, рассчитывал на некоторую театральность, но...

— Они убьют меня. Они сожгут мой дом. Они все сожгут. — отрывисто говорила “ведьма”

— Вы под полной защитой закона до вынесения приговора, — попытался утешить ее я. Вышло откровенно плохо.

— Я не виновна! Вы собираетесь казнить невиновную!

— Никто не собирается вас...

— Вам заплатили? Сколько? За сколько монет ты продался!?

Я хотел было ответить, как вдруг со стороны черного хода раздался грохот.

— Они убьют меня. Они меня разорвут... — Анна вновь погрузилась в себя, обхватив голову руками.

Гул толпы и вправду нарастал. Быть осажденным в столь тесном помещении мне совершенно не нравилось. Конечно, я подготовлен и обучен сражаться, но в одиночку против всего этого сброда мне не выстоять.

В заднюю дверь снова ударили. Хорошо, что она заперта... Однако, следует проверить. На всякий случай выхватив меч, я пошел на звук. Удар. Еще удар. Не очень-то сильный, стало быть, это не штурм. Убивать никого из деревенских не хотелось, поэтому я перехватил меч за клинок — это позволит использовать гарду и наверхие как хорошую дубину. Дождавшись очередного удара, я открыл замок и резким движением распахнул дверь. Тот, кто был за ней, не удержал равновесия и рухнул прямо мне под ноги. Ни секунды не раздумывая, я сделал замах.

— Нильс, стой! — Маргаретт испуганно заорала. — Это я!

— О господи! Грета! — я испугался не меньше. — Что ты здесь делаешь?

— Обходила эту прекрасную публику, — съязвила жена. — А ты как всегда — сначала бьешь, потом думаешь.

— Это не раз спасало мне жизнь, — попытался оправдаться я. — И вообще, я не ударил.

— Еще бы ты ударил инквизитора, — хмыкнула она, поднимаясь. — Хуже только бить жену. Анна здесь?

Я кивнул.

— Глупый вопрос.

— Допрашивал?

— Нет. Дождался тебя.

— Ну, вот и славненько, — Грета мимолетно обняла меня и вышла из комнаты. Я направился за ней.

— Вы не понимаете, я не... — начала было Анна, но Маргаретт жестом указала ей замолчать.

Лицо жены было серьезным и сосредоточенным. Она молчала, вслушиваясь в гул толпы за окнами дома.

— Анна, я хочу задать вам всего пару вопросов, — наконец начала она. — Постарайтесь ответить как можно точнее.

Девушка, пребывавшая до этого в почти паническом состоянии, вдруг протяжно вздохнула и успокоилась.

— Да, госпожа инквизитор, — она выпрямила спину и посмотрела на Маргаретт.

— Сколько в деревне колодцев?

Повисло неловкое молчание. Я недоуменно воззрился на жену. Какие к чертовой матери колодцы?

Анна тоже казалась ошарашенной. Это явно был не тот вопрос, который она ожидала услышать.

— Есть шесть общественных колодезев. А сколько всего их у крестьян на их участках я не знаю, — госпожа Штайнер с опаской смотрела то на меня, то на Грету, будто ожидая подвоха.

— На нижних улицах колодец есть? — продолжала Маргаретт.

— Там живут те, кто победней... — начала наша подозреваемая. — Найти здесь воду сложновато, местность такая, поэтому у них обычно нет на это средств. Зато есть два общих — их на свои деньги указал выкопать мой отец.

— А у вас есть свой колодец?

— Нет, мы набирали воду из родника, он неподалеку от дома.

— А у господина Нойманна? — не останавливалась Грета.

— Вы про этого мерзкого старосту? Да, у него есть колодец. Но какая разница?

Я хотел задать жене тот же вопрос, но она молча кивнула мне и я понял без слов: “Объясню позже”.

— Анна Штайнер, — исполненным суровости голосом начала Маргаретт. — Властью, данной мне королем Харлаусом II, и от имени Маллеус Малефикарум я объявляю тебя невиновной в колдовстве и порче на жителей Белого Камня. Однако из-под стражи пока освободить не могу — для вашей же безопасности. Нильс!

— Да, госпожа инквизитор?

— Необходимо взять деревенского старосту по обвинению в отравлении жителей деревни. А я пока скажу толпе, где будет объявлен приговор.

— Будет исполнено, — я улыбнулся, предвкушая настоящее правосудие.

* * *

Маргаретт

Закатные лучи окрашивали колокольню за моей спиной в алый цвет. Жители деревни уже собрались на площади перед церковью — они ждали, когда зачитают приговор. Пожалуй, это самая нелюбимая часть моей работы. Жаждающая крови и зрелища казни толпа вселяла в мое сердце настоящее отвращение. Но я инквизитор и я должна являть свою власть народу. Таков закон.

— Я прошу привести подсудимых! — наконец прервала молчание я. Голос эхом отразился от стен церкви.

Позади меня громко лязгая по булыжной мостовой стальными сапогами появился Нильс. Анну он оставил справа от меня, а Курта Нойманна — слева.

— Маллеус Малефикарум рассмотрел дело Анны Штайнер, обвиненной в колдовстве и наведении “морoka безумия” на жителей Белого Камня. Однако во время следствия были выявлены важные детали.

Толпа молчала, внимая моим словам. Тишина перед казнью — дело обычное. Она была тягучей, словно липкой, слова нехотя срывались с губ.

— Следов магического преступления не было обнаружено. Инквизиция пришла к выводу, что вода в колодцах на нижних улицах была отравлена. Действием яда, а не магией объясняется “морок безумия”, убивший людей.

Курт, стоящий слева от меня, ощутимо занервничал, заерзал на месте. Готова поклясться, я почувствовала его страх.

— Властью, данной мне королем Харлаусом II, и от имени Маллеус Малефикарум, я объявляю Анну Штайнер невиновной в колдовстве! — громко и четко проговорила я.

Толпа забурилась. Слышен был недовольный гомон крестьян, удивленные перешептывания и тихие вздохи.

— Виновным в отравлении и причинении смерти стольким людям из корыстных побуждений, в попытке очернить доброе имя Анны Штайнер, объявляю Курта Нойманна, — я сде-

лала паузу перед самыми тяжелыми словами. — Названный Курт приговаривается к смертной казни. Приговор окончательный и будет приведен в действие немедленно!

Вновь застучали латные сапоги Нильса. Он крепко взял Курта за рукав его балахона и буквально выволок на середину площади. Силой поставив того на колени, охотник вынул из ножен меч.

— Законом королевства тебе даровано последнее слово, — мрачным голосом произнес Нильс.

— Я предлагал! Я просил ее решить все миром! — буквально заорал напуганный староста. — Я сказал ей: “Выходи за меня замуж, я стану хозяином лесопилки!” Она отказала мне, назвала мерзким червем! Негоже бабе начальствовать над мужчинами. Видит бог, я хотел мирного решения! Я...

— Довольно! — рявкнул Нильс.

Лезвие меча сверкнуло в закатных солнечных лучах. Раздался мерзкий влажный хруст, предсмертный вопль — и голова жадного старосты падает на мостовую.

Тишина длилась совсем недолго. Толпа разноголоса загудела.

— Да будет так во имя закона, — закончила свою речь я.

— Всем прочь! — раздался нечеловеческой силы возглас из толпы.

В следующую секунду грянул взрыв. Всполох пламени вырвался высоко вверх, поднялась туча пыли. Люди ринулись врассыпную, топча друг друга, визжали женщины, кричали раненые. Началась настоящая паника.

— Я сказала, всем прочь! — вновь повторил голос.

К Нильсу самообладание вернулось раньше моего. Буквально в два прыжка он оказался прямо передо мной, закрывая меня своей спиной от неизвестной опасности. Пыль медленно оседала.

Стали видны масштабы случившегося ужаса. Не меньше трех десятков человек окровавленными мешками лежали на брусчатке. Кто-то еще был жив, другие расстались с жизнью почти мгновенно, на некоторых горела одежда, источая непередаваемый смрад. Посреди всего этого безумия стояла... Женщина?

Да, пожалуй, это была женщина. Лицо ее было черным, а вместо глаз горели два ярких красных уголька. Длинные волосы тоже были черны, словно смоль, они беспрестанно двигались, напоминая свившихся в клубок змей. Женщина стояла босыми ногами на залитой кровью мостовой и хищно улыбалась.

— Вы называете это, — она указала на обезглавленное тело старосты. — Правосудием? О, нет. Правосудие — это воздаяние за грехи. И воздаяние должно быть равным!

— Убирайся, ведьма! — прорычал Нильс.

— Смерть для него — меньшее из всех возможных наказаний, — продолжала колдунья. — Им двигала алчность, зависть, он желал власти для себя. И что же в итоге? От его рук погибли столь многие. Погибли те, кто доверял ему, избирая старостой!

Ведьма окинула взглядом площадь и расхохоталась.

— Люди столь мелки и столь глупы в своих деяниях... Он не думал, сколько расстанутся с жизнью, когда сыпал яд в воду. Он не думал, что моя любимая сестра в безумстве задушит собственную дочь!

— И за это ты решила убить столько других невинных? — Нильс поудобнее перехватил меч.

— Невинных? — ведьма истерически расхохоталась. — Они пришли сюда смотреть, как убьют бедную девочку — дочку хозяина лесопилки. Они пришли сюда за кровью!

— Чего ты хочешь?

— Чего я хочу? — она картинно приставила палец к губам, словно задумавшись. — Я хочу правосудия! Я хочу возмездия. И теперь все они — как ни жаль это признавать — поплатятся за грехи. Я убью каждого, сожгу каждый дом. А потом двинусь дальше, ведь среди людей невиновных нет, не так ли, инквизитор?

Я молчала, окутанная ужасом. Мне доводилось видеть колдунов, но они выглядели как обычные люди... А кем или чем было это чудовище с горящими глазами и сверкающими клыками мне было неизвестно.

Она двинулась к нам. В ответ на это, Нильс опустил забрало шлема и тоже двинулся вперед.

— Оу, какой ты бесстрашный, — усмехнулась ведьма. — Совсем не боишься смерти.

Нильс молча крутанул мечом, готовясь к бою.

— А! Вы не просто псы инквизиции! — восторженно воскликнула она. — Ты любишь ее! О да, я это чувствую. Что ж, у тебя чистое сердце, исполненное любовью и жаждой справедливости...

Она на секунду замолкла, глядя на закованного в доспех бойца.

— Будет так жаль, если в нем поселится зло.

Внезапно ведьма рванулась к Нильсу. Тот успел взмахнуть мечом, но тот лишь рассек воздух. Буквально в одно мгновение колдунья, увернувшись от смертоносной стали, оказалась вплотную к Нильсу. Еще миг и ее черная, словно покрытая чешуей рука без особых усилий вонзается в грудь моего мужа, словно там и нет стального нагрудника. Нильс завыл от боли.

— Прекрасное сердце. И прекрасный воин. Такие понадобятся мне, чтобы наконец поставить людей на колени.

Не помня себя, я выхватила из ножен короткий кинжал. Все в мире будто потеряло смысл. Есть только я и мой муж в руках проклятой ведьмы. В бессмысленном желании спасти любимого я рванулась вперед, но колдунья лишь усмехнулась.

— Умереть вместе с возлюбленным, как это благородно, — рассмеялась она. — Но я не подарю тебе такой возможности.

Она вновь хищно оскалилась и внезапно растворилась в воздухе. Нильс бесформенной грудой металла рухнул на землю.

— Нильс! Нильс! — кричала я, снимая с него шлем. Вдруг чьи-то сильные руки буквально оттащили меня от тела мужа.

Я попыталась отбиваться, но силы словно покинули меня. В безумном желании вырваться я едва разглядела лицо священника. Он быстро подошел к лежащему на земле Нильсу. Спустя пару секунд он обернулся ко мне.

— Бегите в церковь, там безопасней! — приказал он.

— Нет! Нет!

— Бегом! — рявкнул он — Если хотите жить!

— Я не оставлю его тут...

— Вам его не донести. За этим я тут. Скорее, прячьтесь! — продолжил он давать указания, взваливая облаченного в сталь Нильса — Да поможет нам Бог!

Глава 2

Фридрихельм

Темноту церковного подвала разгоняли лишь несколько свечей. Их пламя дрожало и коптило, отчего тени на стенах казались живыми. Вот уже несколько часов, как снаружи не слышно ни звука. Похоже, пожар утих. Ведьма явно не бросала слов на ветер, обещая сжечь каждый дом в Белом Камне — это я видел с церковной колокольни. Зря бил я в набат, зря ждал помощи и зря надеялся, что хоть одна душа спасется из этого ужасающего огненного смерча. Когда колдунья двинулась к церкви, я помог спустить под защиту каменных сводов подвала храброго воина, а его жене наказал молиться за него.

Но помогут ли молитвы?

Наверное, впервые я усомнился — а не отвернулся ли бог от нас? Ведь как иначе описать то, что случилось...

Впрочем, вера все же дала мне сил не сдаться. Я четко понимал отнюдь не человеческую природу случившегося зла. Я словно видел демона — ведь иначе объяснить пугающий облик ведьмы я не мог. Осталось лишь понять, с чем мы имеем дело. Ответы должны быть в книгах.

— Падре, есть новости? — обратилась ко мне инквизитор.

Я даже не сразу услышал ее. Книги высились передо мной, словно башни, а разум был целиком занят изучением очень старых текстов.

— Падре?

— Ох, прошу прощения, — я оторвался от очередного фолианта. — Пока ничего конкретного. Но это лучше, чем ничего. Пойдемте, госпожа инквизитор, я кое-что покажу.

— Маргаретт. Можно просто Маргаретт, — устало вздохнула она, бросив взгляд на лежащего без сознания мужа.

— Вот, здесь рассказывается о чем-то подобном, — я указал ей на параграф в тексте.

— Черное таинство? — прочла она и недоуменно уставилась на меня.

— Я не специалист по колдовству, а всего лишь настоятель церкви. Но если я правильно понял, то перед нами нечто ужасающее.

— Можно вкратце? — Маргаретт немного оживилась.

— Мне встречались записи в архивах семинарии. Говоря простым языком, колдун может призвать в свое тело, как это говорилось, “все зло этого мира”.

— Зачем?

— Сила. Невероятная разрушительная сила, практически не знающая пределов. Но и цена предельно высока. Суть тьмы постепенно убивала самого колдуна, стирая его личность практически начисто, не говоря уже о смерти самой души такого человека. На выходе имеем ничем не контролируемое зло, вырвавшееся в мир и желающее только одного — тотального разрушения.

— И первым она убила Нильса?

— Не совсем убила. Ваш муж жив, но будто бы просто спит. Никаких признаков ранения или, скажем, горячки, — я пожал плечами.

— И сколько ему так спать?

— Мне известно ничуть не больше вашего. Надеюсь, что не долго.

— Так или иначе, на него напала, судя по всему, очень сильная ведьма, — вздохнула Маргаретт.

— Помощь знающего человека нам просто необходима, если вы об этом, — кивнул я, взглянув в грустные глаза инквизитора. — Он обязательно придет в себя, Маргаретт. Вам остается только молиться за него.

— Падре, вы поможете нам? — помолчав некоторое время, спросила она. — Поможете найти того, кто скажет, все ли в порядке с моим мужем?

Я задумался. Помочь им значило покинуть родные места... Хотя, что теперь осталось от Белого Камня? Что теперь осталось от моей церкви? И, самое главное, что теперь осталось от моей старой жизни? Пожалуй, что ничего. А значит, ничто не держит меня в этом сыром подвале.

— Мои знакомства ограничиваются священниками, а знания — церковными архивами, — развел руками я. — Вы думаете, что я мог бы быть полезен?

— Эта колдунья опасна, — со злобой в голосе произнесла инквизитор. — После того, как мы убедимся, что с Нильсом все в порядке, нам придется остановить ее.

— Я даже не умею держать в руках меч...

— Вы видели ее. Видели и поняли, как она опасна. А значит, даже целый отряд Инквизиции уже уступает вам как минимум в осведомленности. И, самое главное, вы знаете, где найти информацию о ней.

Слова Маргаретт звучали весомо, но страх сковывал мою душу.

— Я боюсь быть обузой, — вздохнул я. — Я священник, а не воин.

— Однако, что-то понимаете в медицине, не так ли? Вы сами мне говорили, что были полковым капелланом и помогали лекарю.

Я замолчал и потупил взгляд. Ее слова в точности совпадали с моими мыслями... Может, я просто ищу себе оправдание? Оправдание своей трусости.

Страх сам по себе — не грех и даже не порок. Но было ли страшно Спасителю, когда тот шел на смерть, забирая с собой все наши грехи? Он боялся, но он не был труслив. Ведь книги учат, что величайшая добродетель — жертвовать собой ради других. Этому нас учил и Он.

И если я сейчас откажусь, если в нужный момент меня не будет рядом с ними, я не прощу себе этого. Пусть даже их спасение будет стоить мне жизни, моя смерть не будет напрасной. Это будет добродетелью, какой нас учит Бог — не жалеть живота своего ради ближнего.

— Я пойду с вами, — решительно ответил я. — Я должен взглянуть ей в глаза и спросить “Почему?” И да поможет нам Бог.

В подземелье воцарилась тишина. Я продолжал листать книги, Маргаретт сидела, опершись спиной о холодную каменную стену и, казалось, дремала. Бессонная ночь под звуки бушующего наверху пламени давала о себе знать. Может, теперь, когда все стихло, стоит, наконец, покинуть укрытие? Но что-то внутри меня словно говорило, что делать этого не стоит. Быть может, это был страх? Страх не за свою жизнь, нет. Я боялся увидеть, как все, чем я жил, исчезло. Мои прихожане, моя церковь, мои друзья — все, должно быть, превратилось в пепел. А я здесь...

Вдруг в темноте раздался тихий стон. Маргаретт моментально встрепенулась и бросилась к мужу.

— Нильс! Нильс, ты живой! — запричитала она.

— Где... Что случилось? — голос охотника хрипел. — Какого черта?

— Это была ведьма, — ответила Маргаретт. — Она сожгла деревню, а мы укрылись в подвале церкви. С нами отец Фридхельм.

Я медленно подошел к мужчине.

— Как вы себя чувствуете?

— Так, словно умер не до конца. Она пыталась убить меня? Почему у нее не вышло? — он быстро приходил в чувство и уже заваливал меня вопросами.

— Сложно сказать. Но мне кажется, будто она и не собиралась вас убивать. Это похоже на какую-то черную магию, но ничего конкретного я пока сказать не могу.

— А кто может? — он без особого труда сел.

Я лишь развел руками. Слишком давно случалось нечто подобное, и слишком многое было утеряно за века спокойствия.

— Так или иначе, нам нужно добраться до города и доложить обо всем Инквизиции, — сказала Маргаретт. — И чем быстрее мы это сделаем, тем проще будет разобраться с ведьмой. Ты можешь идти?

Нильс встал и размял ноги.

— Да, вполне. Чувствую себя отлично.

Я жестом указал инквизиторам идти за мной. Основной вход в подвал скорее всего завален: ночью мы слышали, как обрушились балки церковной крыши. Но к счастью, имелся и другой выход — люк вел наружу в паре сотен шагов от церковной ограды, ближе к погосту. Пройдя через длинный коридор с низкими сводами, мы оказались у лестницы.

— Сейчас отопру, — бросил я и полез наверх. Ключ тяжело провернулся в ржавом замке, я плечом толкнул люк, но тот не поддался.

— Кажется, проржавели петли. Дело плохо...

— Дайте-ка я попробую, — предложил Нильс.

Что ж, опытный воин будет явно посильнее меня. Я уступил ему место у люка. Охотник напрягся, застонало ржавое железо. Не прошло и пары секунд, как с громким треском лопнул металл и крышка люка буквально вылетела наружу.

— Слабоваты петли оказались, — хохотнул Нильс и выбрался наружу.

За ним по лестнице поднялась Маргаретт, последним на свежий воздух выбрался я, на секунду задержавшись, чтобы осмотреть люк. Металл, хоть и ржавый, все еще был крепок, однако заклепки, удерживавшие петли, лопнули и изогнулись. Ну и силища же в этом бойце...

Я вылез из ямы, отряхнул полы сутаны и прислушался. Вокруг царила тишина, даже птицы, чей гомон в это время года перекрывал шум леса, молчали. Молчал, казалось, даже ветер. В воздухе пахло дымом, пеплом и смрадом сожженной плоти. Я невольно закашлялся.

— Ненавижу колдунов, — протянул Нильс.

— Падре, нам нужно в ближайший город. Вы знаете дорогу? — спросила Маргаретт.

— Конечно. Однако, придется заночевать в пути, до темноты нам никак не успеть.

— Тогда не будем терять времени, — кивнула она. — Дорог каждый час.

Я вел инквизиторов по, кажется, одному мне известной тропе. Лес вокруг нас все сгущался, зеленой стеной обступая со всех сторон. Шли достаточно бодро и за пару часов пути уже довольно далеко отошли от Белого Камня. Здесь, вдалеке от поселений, было спокойно и безопасно. Природа будто бы не знала о трагедии, приключившейся в ближайшей деревне: кроны деревьев мирно шелестели на ветру, птицы вели свои обычные беседы, даже комары, не докучавшие до этих пор, накиннулись на нас, словно на пир после долгого голода.

Солнце клонилось к закату. Тени удлинились, воздух становился прохладным и влажным.

— Пора подумать о привале, — предложила Маргаретт, оглядывая небо. — Ночью в лесу лучше оставаться на месте.

— Здесь неподалеку есть ручей, — сказал я, указывая жестом куда-то вперед. — Как раз к заходу солнца окажемся там. А с рассветом продолжим путь.

— И как скоро мы будем в городе? — подал голос Нильс, шедший последним.

— Тебе тяжело идти? — спросила Маргаретт участливо. — Может, нам стоило делать привалы чаще?

— Нет, что ты. Даже не устал, — хмыкнул охотник.

Я обернулся. Выглядел Нильс действительно отлично, и это несмотря на то, что весь путь он проделал в доспехах. Если бы я не знал, что буквально вчера его едва не убила колдунья...

Вариантов тут всего два: либо ведьмин трюк отчего-то не сработал, либо это черная магия придает инквизитору сил.

Едва солнце коснулось крон деревьев, готовясь окончательно закатиться за горизонт, как ветерок стал приносить с собой прохладу и сырость. Через пару минут мы вышли к небольшому ручейку. Меньше шага в ширину, он вился между камнями, причудливо журча и поблескивая в закатном солнце. Уставшие с дороги путники тут же упали на колени и принялись жадно пить холодную до зубовного скрежета воду. Я же поднялся чуть выше по течению и наполнил походную флягу.

— Предлагаю сделать привал прямо здесь, — окрикнул я инквизиторов и указал на небольшой холмик близ ручья. — Тут будет не так сыро спать.

Мараретт и Нильс кивнули и не сговариваясь ушли в сторону лесной опушки. Какое-то время оттуда слышался треск ломаемых сучьев и стук топора. Когда все стихло, из леса показался весьма довольный Нильс.

— Падре, там есть несколько крупных веток на дрова. Помогите их дотащить, мне больше не взять, — окрикнул он меня, волоча за собой два нетолстых дерева.

Чуть погода показалась и Маргаретт с охапкой лапника. Что ж, кажется, ночевка будет довольно комфортной.

Сумерки мы встретили у разгорающегося костерка. Едкий дымок от сырых веток щипал нос и лез в глаза, пламя отбрасывало неясные отблески на деревья. В небольшом котелке закипала вода.

— Жаль, пришлось бросить большую часть нашего скарба, — сокрушалась Маргаретт. — Кажется, там было вяленое мясо.

— Без лошадей нам бы все равно не унести всего этого, — отвечал Нильс, вороша угли. — Глянь в моем рюкзаке, там должны быть галеты и, кажется, сыр.

Вода в котле тем временем забурлила. Я кинул в кипяток собранные на этой же поляне травы, воздух наполнился приятным запахом.

— Что ж, наш ужин не так и плох, — сказала Маргаретт, раздавая нам сыр и галеты. — Мясо, как оказалось, удалось спасти.

На лес опускалась ночь. Тишина словно ватным одеялом легла на все вокруг: замолкли птицы, не шуршал больше ветер в кронах деревьев, не слышно было даже обычного стрекота сверчков. Даже ручей будто бы стал тише. Эту тишину не хотелось нарушать словами. Кажется, мы все достаточно пережили, чтобы теперь просто послушать треск костра в ночи. Нет смысла беспокоиться о ведьме — завтра, еще до полудня, мы окажемся в городе и станет ясно, что нужно делать. Однако темные мысли и страх перед неизведанным лезли в голову.

Внезапно Нильс вскочил.

— Вы слышите? — спросил он, глядя куда-то в ночную пустоту.

Мы прислушались. За треском огня и журчанием воды явно послышались чьи-то шаги.

— Затухнуть костер! — приказал охотник, хватая с земли меч.

Маргаретт опрокинула котел с травяным отваром, угли зашипели, извергая столб дыма и пара.

— Грета, топор, — бросил Нильс.

— Уже.

— Их много.

— Я слышу.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Я взгляделся в ночной мрак и ужаснулся. По другую сторону ручья поляну пересекали четверо мужчин. В их руках поблескивали топоры и длинные ножи.

— Кто это? — шепотом спросил я.

— Не знаю, — бросил через плечо Нильс. — Но они явно не настроены дружелюбно. Держитесь рядом.

Маргаретт молча вынула из-под полы своей сутаны длинный кинжал и протянула его мне.

— Я... Я не пролью кровь человека! — запротестовал я.

— Падре, я рада за ваши принципы. А вот в их принципиальности не уверена.

Я принял оружие и приготовился защищаться.

Нападающие почему-то медлили. Они уже окружили нас со всех сторон, грозно покачивая смертоносной сталью. Нильс занес меч над головой, готовый в любую секунду обрушить его на первого, кто осмелится вступить в бой. Тот неизвестный, что стоял напротив него на почтительном расстоянии, словно бы изучал грозного одоспешенного охотника. Спустя пару секунд он, словно потеряв всякий интерес, стал отходить в сторону.

Я, Маргаретт и Нильс стояли практически спина к спине вокруг затушенного костерка. Мир будто застыл в хрупком равновесии, когда никто не осмеливается начать бой, понимая, что его результаты трудно предсказуемы. Я смотрел прямо в лицо одному из разбойников. Оно было спокойным и бесстрастным, словно ничего такого и не происходило. Внезапно за моей спиной раздался гортанный рев. Я машинально обернулся.

Один из наших ночных гостей, высоченный бородатый тип, одетый в одни лишь льняные штаны, рванул вперед, размахивая топором. Между ним и Маргаретт было всего полдюжины шагов. В мгновение ока он сократил дистанцию, но тут же напоролся на отточенный удар топора инквизитора напрямик в грудь. С мерзким хлопанием и треском костей оружие вошло в плоть и намертво застряло там. А с другой стороны уже несли второй разбойник — чуть более мелкий, но жилистый мужчина. Вместо того, чтоб наброситься на отвлекшегося было Нильса, он побежал мимо, будто не замечая охотника, желая застигнуть врасплох Маргаретт.

— Грета! — рывкнул Нильс, взмахивая мечом. Жена мгновенно пригнулась, выпуская из рук застрявший в груди первого врага топор. И вовремя. Острый меч, описав смертоносную дугу, со звоном вонзился в тело мужчины, рассекая тому плечо. Слово не почувствовав боли, разбойник остановился и бросил, казалось, удивленный взгляд на Нильса. Второй удар отсек ему голову.

— Падре! — крикнула Маргаретт, выводя меня из ступора. Обернувшись, я увидел буквально в шаге от себя лицо третьего разбойника. Машинально я сжал кулак и левой рукой ударил нападающего в челюсть. Тот чуть пошатнулся, отвел оружие. Я ударил ему ногой под колено, надеясь свалить на землю. Не обратив на мою попытку ни малейшего внимания, разбойник схватил меня за грудки и занес над головой меч. Глаза его были пусты и черны, словно смоль — без белков и радужки, в них читался лишь гнев и жажда крови. Я уже было простился с жизнью, как вдруг Нильс обрушил на разбойника свой клинок. Удар оказался нешуточным, противник буквально сложился пополам и рухнул наземь. Не останавливая движения меча, Нильс взмахнул им над головой и с легкостью достал и четвертого нападавшего. Не прошло и полминуты, как все было кончено.

— Какого черта? — переводя дух, произнесла Грета. — Они будто не чувствовали боли!

— Они одержимы, — откашливаясь ответил я. — Кажется, они околдованы ведьмой. Их глаза...

— Я думала, мне показалось, — протянула Маргаретт. — Нильс, ты в порядке?

— В полном, — коротко бросил он. — Они будто до последнего не хотели меня замечать!

Я вспомнил, как разбойник буквально пронесся мимо Нильса — самого опасного и вооруженного из нас. Действия нападавших не подчинялись никакой логике.

— Ложитесь спать, — голос Нильса не терпел возражений. — Я буду дежурить до рассвета.

Спорить не хотелось. Я двинулся к разложенному лапнику и краем глаза увидел, как Маргаретт нежно обняла мужа. Буквально пару секунд они смотрели друг на друга, словно

беседуя без слов. Нильс молча кивнул, Маргаретт улыбнулась и двинулась за мной. Едва я лег, сознание услужливо отключилось, отправляя меня в забытье.

* * *

Маргаретт

Что-то буквально вырвало меня из сна. Я лежала на подстилке из лапника и смотрела в высокое звездное небо, боясь пошевелиться. Странная привычка — не показывать, что ты уже не спишь, однако Нильс не раз меня за нее хвалил. Кстати, где он?

События минувшего дня постепенно проявились в памяти: спешный уход из сожженной деревни, долгая ходьба по лесу, ночная схватка у ручья. Нильс отправил нас спать, вызвавшись караульным. Сколько прошло времени? Час? Половина ночи? Почему он никого не разбудил на смену себе?

До моего слуха донесся сдавленный стон. Я испуганно повернула голову и увидела Нильса. Он сидел на земле, обхватив руками голову, покачиваясь и что-то бормоча.

— Нет, нет, нет! — шептал он. — Оставь меня, оставь!

Я тихонько поднялась. Муж не слышал и не видел меня. Меч без ножен лежал рядом.

— Нильс? Нильс, ты в порядке? — спросила я аккуратно. Нильс затих. — Что-то случилось?

В следующее мгновение он одним рывком вскочил на ноги, схватил свой меч и размахнулся.

— Убирайся, отродье! — Нильс взревел. — Нет надо мной твоей власти!

Лицо моего мужа было перекошено от злобы, глаза остекленели. Меч опасно рассекал ночной воздух всего в шаге от меня, но Нильс будто не видел цели, слепо размахивая холодной сталью в сторону моего голоса. Я в ужасе отпрянула.

— Нильс, это я, Маргаретт! — вскрикнула я, едва не повалившись на землю. — Нильс, остановись!

— Грета? — Нильс замер. — О боже, Грета!

Он выронил меч, взгляд его обрел осмысленность. Муж смотрел на меня, словно видел впервые. Вдруг он снова взвыл и упал на колени, закрывая голову руками. Поборов нахлынувший на меня ужас, я сделала шаг к Нильсу.

— Грета, я слышу крики, — надломленным голосом прошептал муж. — Я слышу, как они кричат...

— Кто кричит, милый? — как можно мягче и увереннее спросила я.

— Не знаю. Они кричат. Они шепчут мне, чтобы я убил еще, Грета, — затараторил Нильс. — Им мало тех троих, они хотят еще.

Внутри меня все похолодело. Вид сильного, стойкого и практически неустрашимого Нильса, корчащегося словно от нестерпимой боли, его измотанный голос, опустевшие глаза ввергли меня в настоящий ужас. Руки тряслись, во рту пересохло, мысли роем носились в голове...

“Ему нужна я, нужна моя помощь!” — пришло вдруг осознание. Сейчас он нуждается во мне, но не может этого сказать. Пересилив страх, я протянула руку. Ладонь коснулась его плеча.

— Не слушай их, милый. Слушай меня, — ласково произнесла я. — Я тут, с тобой. Кроме нас здесь никого нет, вокруг только лес и тишина.

— Они... Во мне... — выдохнул Нильс.

— Это просто наваждение. А я — настоящая.

Чуть помедлив, я обняла мужа за плечи. Его была мелкая дрожь. Мы просидели так несколько минут, пока дыхание Нильса не стало замедляться.

— Все хорошо, все в порядке, я рядом с тобой и всегда буду рядом, — шептала я, глядя его по голове.

— Грета, я впервые ощутил наслаждение, — голос Нильса стал вновь спокойным. — Я впервые ощутил радость от убийства.

— Ты убил тех троих, защищая нас. В этом нет ничего ужасного, — попыталась успокоить его я.

— Нет, ты не понимаешь. Мне захотелось еще.

Нильс хоть и был скор на расправу и вспыльчив, все же никогда не был кровожадным. Это действительно было на него не похоже.

— Но ведь тебе удалось подавить это в себе, — попыталась успокоить его я.

— Да. Но тогда появились голоса. Они хотели больше крови, больше смерти. Их крики... — он вздрогнул. — Они едва не разорвали мне голову.

Я аккуратно погладила его по щеке и заглянула в усталые глаза.

— Ты думаешь, это из-за ведьмы? — проронил он. — Те четверо были одержимы. Я стану таким же?

— Я... Я не знаю, — пожала плечами я. — Но я буду рядом с тобой, слышишь?

— Это может быть опасно.

— Нильс, вся моя жизнь — одна сплошная опасность, которую я делю с тобой пополам. Я буду рядом, и это не обсуждается.

— Спасибо, Грета... — прошептал Нильс и ткнулся мне в плечо.

— Всё хорошо, любимый, — только и ответила я. — Всё хорошо.

Спустя несколько минут к Нильсу окончательно вернулось самообладание. Он мягко отстранился и посмотрел на меня.

— Когда ты начала со мной говорить, стало действительно легче, — задумчиво сказал он. — Но я ведь чуть не убил тебя.

Я бросила взгляд на лежавший неподалеку меч. Стало жутко. Не подавая вида, я ответила:

— Твой гнев был направлен не на меня. Не скрою, было страшно, но ты не пытался убить меня. Ты словно защищался от чего-то, чего не видел.

— Спасибо тебе... не знаю, чем бы это могло кончиться.

Повисло молчание. Было слышно, как журчит вода в ручейке. Кажется, до рассвета еще довольно много времени. Словно уловив мои мысли, Нильс улыбнулся.

— Тебе стоит поспать. Дорога завтра явно не близкая.

— А ты? Не будешь же ты дежурить всю ночь, — попыталась протестовать я.

— Странно, но я совсем не чувствую желания спать, — пожал плечами Нильс. — Не знаю, с чем это связано, но я явно не усну.

— Нильс...

— Это не обсуждается, — передразнил он меня. — Извольте лечь спать, госпожа Инквизитор.

Я взглянула ему в глаза. Он посмотрел в мои. Теперь в его взгляде не было ужаса и ненависти — только нежность. Хитро ухмыльнувшись, он коснулся ладонью моей щеки.

— Возражения?

— Никаких, — улыбнулась я в ответ.

— Тогда добрых снов.

* * *

Утро выдалось мрачным и пасмурным. Выбравшись из-под плаща, служившего мне одеялом, я поежилась от прохладного ветерка. Низкие серые облака полностью застилали небо, пахло сыростью. Стало быть, скоро должен начаться дождь.

Нильс сидел на земле в паре десятков шагов от нашего ночлега. Выходит, он не спал всю ночь? Услышав меня, он обернулся и молча кивнул. Я кивнула помахала рукой в ответ все так же в полном молчании. Нильс знал, что после пробуждения я еще долго бываю хмурой и неразговорчивой, так что все общение обычно оставлял на потом. Размяв чуть затекшие ноги, я спустилась к ручью. Обжигающе-холодная вода разбила, наконец, оковы сна и в голове начал прорисовываться план будущего дня. Если верить отцу Фридрихелму, то к полудню мы будем уже в городе. Найти там отделение Инквизиции, полагаю, не составит труда. Необходимо доложить... А что доложить?

За все восемь лет работы мне еще не доводилось сталкиваться с таким. Из всех слухов о колдунах и ведьмах добрых две трети были банальными доносами, не имеющих под собой оснований. Еще часть работы приходилась на обыкновенные слухи и кривотолки, сплетни и пустую болтовню, коей крестьяне любят заниматься в свободное от работы время. И лишь небольшая доля всех дел — настоящие дела о магии и колдовстве. Если подумать, то настоящих волшебников я за свою практику видела не более четырех десятков. И со всеми можно было справиться силами одного нашего с Нильсом отряда. Но тут... Одна-единственная ведьма сжигает дотла крупный поселок, едва не убивает Охотника и скрывается в неизвестном направлении. А эти одержимые? Нет никаких сомнений, они напрямую связаны с колдуньей из Белого Камня. Но что творится с Нильсом? Стоит ли вообще докладывать о таком? Вопросов было слишком много, а конкретики — слишком мало. Что ж, стоит сперва добраться до города: Нильс всегда говорил, что проблемы надо решать постепенно. Стало быть, это как раз тот самый случай, когда нужно целиком довериться самому надежному плану “на месте разберемся”. Умывшись и приведя себя в порядок, я направилась к нашему лагерю.

— Полагаю, нам стоит выдвигаться прямо сейчас, — протянул отец Фридрихельм, глядя на небо. — Хотелось бы проделать большую часть пути до дождя.

— Вы уверены, что к полудню успеем? — спросила я, накидывая походную сумку.

— Да, вполне. Правда, дальше дорога будет сложнее — примерно через час пути отсюда начинается затяжной спуск.

— Постойте, мы ведь идем в Линденталь, верно? — уточнил Нильс.

— Да, все так, — подтвердил священник.

— Из Линденталья мы шли в Белый Камень около четырех дней, останавливаясь в поселках на тракте. А теперь мы будем в пути чуть дольше полутора... — высказала я свое сомнение.

— По тракту, конечно же, дольше. По этой тропе не пройти лошадям, да и не всякому есть необходимость идти напрямую в Белый Камень по крутому склону. Путь, которым мы идем, самый короткий, но не самый простой.

Что ж, остается только довериться нашему проводнику. В конце концов, наша главная задача — успеть как можно раньше и оповестить всех. А в Линдентале находится, ни много ни мало, а целое местное управление Инквизиции. Оттуда гонцы быстро разносят весть о ведьме по ближайшим землям.

Сложив свои нехитрые пожитки, мы тронулись в путь вдоль ручья. Сперва мы шли по практически ровной местности, однако, примерно через час ходьбы тропка приобрела уклон. Ручей, до этого бывший спокойным, стал шумным, русло его петляло между крупных валунов. Идти становилось все труднее, приходилось внимательно смотреть себе под ноги. Еще через час лес поредел и расступился. Склон стал настолько крутым, что даже деревьям не за что было здесь зацепиться. Взору открывались невероятные виды: между двумя высокими горными хребтами, покрытыми густым и темным лесом, ютилась узкая Липовая Долина. Обрывистые склоны, скалистые выступы, мрачное свинцовое небо над головой производили ошелом-

ляющее и несколько гнетущее впечатление, поражая в то же время своей суровой красотой. Эти места казались дикими и необжитыми... В прочем, так оно и было. Мало кто горел желанием обосноваться в этих краях шахтеров и лесорубов. Лишь вокруг нескольких горных трактов, бывших тут своеобразными артериями, теплилась жизнь. Дороги, петляя, вились среди глухих лесов к далеким перевалам, за которыми начинались уже чужие земли. Мало какой торговец осмеливался пройти тут — лучше три недели в обход этих грозных гор, чем неделю через них. Единственным же относительно крупным городом был Линденталь, раскинувшийся в той самой Липовой Долине. В него съезжались на ярмарки местные крестьяне, через него же в центр королевства шли дерево, камень и железо с местных приисков.

Тропинка тем временем превратилась в узкий серпантин. Идти приходилось друг за другом, аккуратно ступая по камням. Ручей, вдоль которого мы шли, каскадом водопадов устремлялся вниз. Как это обычно бывает в горах, и без того нелегкая поклажа стала втрое тяжелее. Хотелось остановиться, передохнуть, присесть хоть на пару минут... Но спешка гнала нас вперед, да и стоять на крутом склоне было едва ли легче, чем спускаться по нему.

Спустя несколько часов, растянувшихся буквально в вечность, серпантин резко кончился, свернув в лес у подножия крутой горы.

— Неужели этот спуск наконец кончился? — повалившись на землю произнесла я. — Падре, и часто вам доводилось ходить этой дорогой?

— Раз в две недели туда и обратно, — ответил священник. Он выглядел не столь измученным, однако тоже присел рядом со мной.

— Вы сумасшедший, падре, — подвела итог я. Тот лишь устало усмехнулся.

— У нас есть время, чтобы отдохнуть. Если пройти чуть в ту сторону, — он махнул куда-то в лес, — Будет озеро. В него впадает тот самый ручей. Можно будет наполнить фляги и напиться.

— Прекрасная идея, — одобрила я. — Ведите.

* * *

Солнце уже было в зените, когда мы наконец вошли в город Линденталь. Часы в башне над ратушей только закончили свой перезвон. Мне всегда казалось занятным то, что обычно в таких небольших городах часы, если вообще были, имели лишь часовую стрелку. Может быть, это потому что жизнь тут была размеренной и минуты не играли особой роли... Горожане действительно никуда не спешили, спокойно и обыденно шла торговля на рыночной площади, без суеты шли по своим делам ремесленники. Кажется, торопились тут только мы.

— Ну, и каков наш план? — спросил Нильс, стоя посреди главной площади.

— Сперва к командованию, а потом, думаю, будем искать место для ночевки. Сомневаюсь, что нам сразу выделят войско и отправят на перехват, — рассудила я. — После этого, полагаю, можно добраться до местной церкви, да, падре?

Отец Фридрих коротко кивнул. Кажется, такой план нравился всем.

— Тогда нам в ратушу, — скомандовал Нильс.

Красивое кирпичное здание Линдентальской ратуши примыкало к центральной площади. Богато украшенные резьбой дубовые двери, гипсовая лепнина, ажурные башенки по краю крыши — все указывало на то, что Линденталь — город искусных мастеров. Не медля ни минуты, мы вошли внутрь. Холл встретил усталых путников гулкой прохладой.

— Чем я могу вам помочь? — обратился к нам мужчина, одетый в дорогой бархатный костюм.

— Нам нужен Прокуратор, — громко и четко ответил Нильс.

— По какому вопросу?

— Немедленно! — рявкнул охотник.

Чиновник побледнел, коротко кивнул и тут же скрылся в одном из коридоров. Когда это нужно, Нильс умеет быть суровым... И даже пугающим.

— Помнится, с год назад я имел одно дело к местному градоначальнику, — усмехнулся отец Фридрихельм. — Меня тогда даже на порог к нему не пустили, дескать, негоже беспокоить господина по незначительным вопросам и в неприемное время... Бюрократия!

— Угроза насильем открывает многие двери, — хохотнул Нильс. — И эту тоже.

Не прошло и пяти минут, как встречавший нас чиновник вновь появился.

— Его Благородие Прокуратор фон Лихтенауэр примет вас сей же момент, — тихо произнес он и жестом указал нам двигаться за ним. Нильс и Фридрихельм заговорщицки переглянулись.

Когда мы вошли в кабинет Прокуратора, сопровождавший нас чиновник поклонился и очень быстро исчез за дверью. Сам Прокуратор, довольно грузный мужчина в уже совсем не боевом возрасте, сидел за широким покрытым сукном столом прямо напротив нас. Не выглядело, будто он был чем-то сильно занят до нашего прихода — на столе стоял лишь подсвечник и чернильница с пером. Сам же прокуратор смерил нас весьма недовольным взглядом.

— И с чем же связана ваша спешка? — спустя полминуты напряженного молчания спросил он.

— Я Инквизитор четвертого ранга Маргаретт Вилеман. Это, — я указала на Нильса. — Охотник Нильс Вилеман. У нас срочные новости из Белого Камня.

— Что такого срочного может случиться в Белом Камне? — усмехнулся Прокуратор.

— Белый Камень сожжен дотла два дня назад, — проговорил Нильс. — С нами, вероятно, единственный выживший, отец Фридрихельм.

Усмешка сошла с губ прокуратора.

— Мне не докладывали, — помотал головой он.

— Мы здесь, и мы докладываем, — Нильс говорил скупно и серьезно.

— В Белом Камне была ведьма. И не просто девка, увлекающаяся мелкой ворожбой, а настоящий монстр.

— Что ей было нужно?

— Судя по всему, она жаждет мести. Тамошний деревенский староста затеял передел власти и отравил колодец. Многие умерли... Акт правосудия был проведен, виновный был казнен. Однако, ведьма, движимая злобой, как мы предполагаем, провела некий обряд и учинила самосуд. — я отвечала так же четко.

— Это... Это невысказано, — проронил фон Лихтенауэр, садясь за стол.

— Готовьте город к бою, господин Прокуратор. Из Белого Камня только одна дорога, и ведет она сюда, — посоветовала я.

— Ведьма придет с армией, — вставил Нильс.

— Что?! С какой еще армией?

— Мы видели людей... — начал отец Фридрихельм. — Они были одержимы, не испытывали страха. Мне кажется, они попали под власть ведьмы.

— Ведьма, это, конечно, ужасно... Но армия? Нет уж, это вряд ли. Я давил магов сколько себя помню и ни разу не видел, чтобы они собирали армии. Быть может, на вас напали разбойники.

— Верно, это были разбойники, однако... — начал Фридрихельм.

— Не нагоняйте лишней паники. С одиночной ведьмой мы вполне справимся, — Прокуратор повеселел, словно вспомнив былое. — Я сейчас же отдам команду отряду Инквизиции, расквартированному в городе. Сорок пять отменных бойцов устроят ей взбучку!

— Вы не понимаете, она захватывает контроль над разумом! Те люди, которых мы видели... Да даже смертельные раны останавливали их не сразу, они бросались вперед, не видя преград и не испытывая страха.

— Не преувеличивайте, Инквизитор. Вы спасались из сожженного поселка, а у страха, как известно, глаза велики. К тому же, вы все же женщина, сами понимаете, нервы. Дальше действовать будем мы!

— Эвакуируйте гражданских, ставьте часовых, вызывайте королевский гарнизон и готовьтесь к осаде, — дал совет Нильс. — Я мужчина и знаю, что говорю.

— Охотник, ваше дело — сражаться. Оставьте командование профессионалам, — высокомерно ответил фон Лихтенауэр.

— Господин Прокуратор, вы совершаете ошибку, — попыталась воззвать к нему я. — Мы видели, на что она способна. Похоже, она совершила некое Черное таинство. Отец Фридрихельм считает, что она вобрала в себя все зло мира, такое уже случалось сотни лет назад!

— Не волнуйтесь. Что же до “черного таинства” — каких только сказок не выдумают люди. По мне так хоть фиолетовое — нет силы сильнее королевской Инквизиции. Свою задачу вы выполнили, теперь отдыхайте и будьте спокойны. А теперь прошу меня оставить, необходимо разослать вестовых.

— Ты горько пожалеешь, — прорычал Нильс, глядя в глаза Прокуратору.

Смерив нас презрительным взглядом, фон Лихтенауэр указал на выход.

— Аудиенция окончена.

Едва мы вышли, дверь за нашей спиной с грохотом захлопнулась.

Нильс

— Ну, и что теперь? — спросила Маргаретт, выйдя из дверей ратуши.

— Отправляйтесь в церковь. Падре, узнайте что можете. И оставайтесь на постой в той же церкви, — ответил я, хмуро оглядывая округу.

— А ты?

— Найду командира городской стражи. Завтра к утру ведьма, вероятнее всего, явится. И явится не одна.

— То есть, не мне одной кажется, что сорока пяти человек не хватит? — усмехнулась жена. — “К тому же, вы ведь женщина, сами понимаете”.

— У ведьмы не будет хороших бойцов, им взяться попросту неоткуда в этих краях. Но с полсотни вооруженных крестьян, не боящихся смерти — это уже тянет на проблему, — рассудил я. — Пусть стража тоже будет готова

Обнявшись, мы расстались. Мой путь лежал к казармам стражи — каменному зданию у южного выезда из города. Линденталь — город небольшой, посему и стражи тут не много, тем не менее, это знающие город, вооруженные и обученные люди. В том, что завяжется бой, сомнений у меня не было. Пускай и довелось встретить только четверых безумцев посреди ночи, но... Нутром чую, без черной магии, а значит и без ведьмы, дело не обошлось. А раз ей удалось напустить на нас заколдованных разбойников, то ей ничего не стоит сделать еще пару десятков таких же.

Голос колдуньи все еще звучал в голове. “Я убью каждого, сожгу каждый дом, а потом двинусь дальше, ведь среди людей невиновных нет”. Что ж, Белого Камня теперь не существует, и, кто знает, что случилось с другими деревеньками, разбросанными вдоль тракта до Линденталя. Ждет ли этот город такая же участь?

Погруженный в раздумья, я не заметил, как добрался до казарм. Три этажа, высокий забор, кованые решетки на окнах, даже зубцы на крыше... В случае чего, здесь можно держать оборону. Не мешкая, я двинулся к дверям.

— Кто такой? — окликнул меня стоявший рядом стражник.

— Инквизиция. Мне к капитану, — коротко ответил я.

— От Лихтенауэра?

— Нет, от себя. Это важно, — я говорил все так же сухо.

Стражник окинул меня оценивающим взглядом и, видимо, сочтя серьезным человеком, кивнул.

— На третьем этаже, слева от лестницы.

В комнату капитана я вошел без стука.

— Чем могу быть полезен? — спросил меня седой бородатый мужчина, сидевший за столом у дальнего окна.

— Мне бы капитана.

— Ты с ним говоришь, — усмехнулся он. — Капитан Вальбек.

Вальбек встал и подошел ко мне. Он оказался чуть ниже меня ростом, но все в нем выдавало старого вояку: несмотря на седые волосы, был он крепок и подтянут. Камзол стражника на нем был подпоясан широкой перевязью, на которой висела внушительная сабля. Глаза, чуть потускневшие от прожитых лет, смотрели на меня прямо, испытующе. Кажется, с этим человеком можно иметь дело.

— Меня зовут Нильс, я охотник из Инквизиции, — начал я. — и хочу предупредить об опасности.

Вальбек оживился и вздернул густые с проседью брови.

— А почему меня, а не Прокуратора?

— При всем уважении к его благородию, он напыщенный идиот, мнящий себя великим полководцем, — бросил я.

Капитан стражи сперва прыснул, стараясь сдержаться, но спустя секунду громко и раскатисто рассмеялся.

— Что ж, приятно знать, что я не один так считаю. Рассказывай, Нильс

— Два дня назад ведьма сожгла Белый Камень. И теперь по дороге скорее всего двинется сюда.

— Думаешь, инквизиторы не справятся? Они вооружены лучше моих парней.

— Думаю, что ведьма приведет с собой по меньшей мере полсотни человек. Да не простых, а заколдованных, не боящихся смерти.

Вальбек задумался, после чего жестом указал мне на стул. Я воспользовался предложением, сам же капитан сел напротив.

— Это звучит серьезно... Ты уверен?

— Нет, но я лучше наведу лишнюю панику, чем увижу, как гибнут люди.

Вальбек задумчиво почесал бороду.

— И что ты хочешь предложить?

— Ставьте стражу в полную готовность. Думаю, ведьма явится к завтрашнему утру, не раньше. Как только это случится, уводите людей и вставайте на защиту города. Я не уверен, что Инквизиции хватит сил.

— Звучит разумно. Спасибо тебе, Нильс. Надеюсь, твоя тревога будет ложной.

— Я тоже на это надеюсь. Но все же...

— Я подготовлю людей. Ну все, теперь иди.

Он встал и протянул мне свою руку для рукопожатия, она оказалась не по годам крепкой. Ни слова больше не говоря, я вышел из казарм. Что ж, теперь нужно найти церковь.

Мы просидели в церковном архиве до самого вечера. Закатное солнце уже едва пробивалось сквозь высокие витражные окна, когда Фридрих и Грета решили прерваться. Они просмотрели столько книг... И как у них не лопаются головы от чтения?

— Какие новости? — спросил я, видя, как Маргаретт захлопывает последнюю книгу.

— Честно сказать, весьма неутешительные, — отозвался отец Фридрих. — В прошлый раз, когда такое случалось, тоже видели, как бы это сказать... околдованных, наверное.

— Скорее одержимых, — поправила Грета. — Нам не показалось, ведьма правда сводит с ума людей и командует ими.

— Выходит, нам все-таки ждать армию? — от осознания этого стало не по себе.

Повисло напряженное молчание.

— Предлагаю немного проветриться, — предложила Грета. — Там и решим, что делать дальше.

Вечерняя прохлада и правда привела мысли в порядок. Солнце уже закатилось за горизонт, запахло влагой и... Дымом?

Я принял. Действительно, дым. Но кто топит печи в столь жаркое время?

— Вы чувствуете? — протянул я.

— Гарью пахнет, — ответила Грета. — Не к добру это...

Не сговариваясь, мы быстрым шагом отправились к центральной площади. Спустя пару минут мои латные ботинки уже грохотали по брусчатке. Толпа зевак, собравшаяся на площади, нехотя расступалась перед нами. Все они перешептывались и показывали куда-то вдаль.

— Нильс, смотри! — проронила Грета, указывая на покрытую лесом гору.

Я бросил короткий взгляд в ту сторону и ужаснулся. Костры. Сотни костров освещали лес перед городом, над холмом рваными облаками стелился дым. О боже...

— Это... Армия? — произнесла Грета.

— Похоже на то, — ответил я, глядя на то, как все новые и новые огни зажигаются в сумерках. — И большая.

Над головой зазвучал колокол — с церковной колокольни тоже увидели это пугающее зрелище.

Набат несся над Линденталлем, перемешиваясь с горьким запахом дыма, предвещая неминуемый ужас.

Послышался шум и топот. Я оглянулся. Линдентальская стража в полном боевом снаряжении оцепляла площадь. Стражники оттесняли людей вглубь города, звучали короткие окрики.

— Горожане! — я узнал голос капитана стражи. — Положение под контролем. Выполняйте приказания. Соберите все самое ценное и выходите из города. Стража подготовила безопасные коридоры.

— Тебе удалось договориться, — с облегчением выдохнула жена.

— К счастью, в этом городе есть серьезные люди.

Спустя несколько минут на площадь выбежал отряд инквизиторов. Одетые в легкие доспехи и открытые шлема, вооруженные отличными мечами, со щитами и алебардами — любо-дорого посмотреть. Вот только этого слишком мало... Пораженные зрелищем костров, инквизиторы замерли. Не каждый день такое увидишь.

— Уходите из города, — коротко приказал я.

— Нильс, мы... — Грета попыталась протестовать.

— Делай, что говорю, Маргаретт, — слова рыком вырвались у меня из глотки. — Я найду вас после.

Маргаретт хотела еще что-то сказать, но я напялил шлем и закрыл забрало. Разговор окончен.

Командир инквизиторского отряда, похоже, пришел в себя. Послышались зычные команды. Отряд выстроился в три линии и двинулся навстречу кострам, к выходу из города. Что ж, на городских улицах шансов и того меньше. Я двинулся за ними.

Между первыми городскими домами и лесной опушкой оказалось почти ровное поле. До деревьев — шагов двести... Будь у нас армия, было бы где развернуться. Из-за деревьев начали медленно выходить люди. Скрытые темнотой силуэты, подсвеченные сзади пламенем от костров, производили гнетущее впечатление. Они шли и шли, прибывали и прибывали, пока не заняли всю дальнюю часть поля. Человек двести, не меньше. Все как один без доспехов, вооруженные кто чем придется — похоже, ведьма не погнушалась набрать в свою армию крестьян. Какое-то время толпа — строем это назвать не получалось — стояла на месте, после чего двинулась в нашу сторону и пересекла половину поля. Среди инквизиторов послышался ропот. И тут я увидел ее! Ведьма! Она вышла из леса, спускаясь с невысокого холма за спинами своих “солдат”. Могу поклясться, что сейчас она улыбается.

— Вперед марш! — приказал командир инквизиторов. Ровным строем небольшой отряд начал медленно двигаться вперед, остановившись лишь тогда, когда между ними и врагами осталось не больше пятидесяти шагов. Мне лучше сражаться в строю, поэтому я присоединился к ним.

Едва я нашел свое место, как от строя ведьминской армии отделилась крупная группа и ринулась к нам. В крошечной тишине пробежали они полсотни шагов и врубилась в ряды Инквизиции. Раздался звук рассекаемой плоти и треск костей, заработали стоящие в первом ряду двуручные мечи. Несколько десятков безумцев в сумасшедшем натиске буквально перли на обученных и вооруженных людей. Строй инквизиторов пошатнулся... Вот упал один, за ним второй... Нападавших не пугали потери, их не останавливали отсеченные руки. Они просто рвались вперед.

— Назад, отходим — услышал я чей-то полный ужаса вопль. Первый ряд дрогнул и побежал назад. Второй ряд, вооруженный алебардами и ошетилившийся ими, словно ёж, приготовился принимать натиск, но... Нападавшие так и не сделали больше ни одного шага вперед.

— Знаете ли вы, что трусость — это грех? — раздался громopodobный голос ведьмы, столь громкий, что, казалось, его слышно даже на главной площади. — В моей армии трусов нет. Да что я рассказываю, сейчас ваши друзья вам все объяснят.

Ее истерический смех понесся над полем. Сверкнула зеленоватая вспышка. И тут у инквизиторов подкосились ноги.

Те, что стояли в первом ряду и не успели сбежать, оставшись мертвыми лежать на поле, начали медленно вставать. Видно было, как тяжело им это дается, некоторые снова падали и поднимались вновь. В мертвенной тишине это зрелище наполняло сердца ужасом. Лишь мое сердце отчего-то оставалось спокойным... В былое время я бы бросил все и бежал, искал бы Грету и священника... Но теперь я отчего-то не чувствовал ни тени страха. В душе клокотала лишь ненависть. Откуда она, отчего захлестывает меня с каждой секундой все больше? Я ничего не понимал, я лишь хотел вонзить свой меч в сердце этой проклятой ведьме. И я, черт подери, это сделаю!

— Назад, к ратуше! — инквизиторы бросились обратно в город. Остался только я.

— Ох, кажется, мы знакомы, — услышал я голос ведьмы. — Не страшно?

Толпа одержимых расступилась и на поле вышла сама колдунья. Ее глаза, словно угли, светились в темноте. Оставшись за спинами восставших инквизиторов, она остановилась.

— Выйди и бейся честно! — проревел я из-под забрала, вырывая из ножен свой меч.

— А зачем? Думаю, с тобой и так разберутся, — усмехнулась она, взмахивая рукой. Как по команде мертвецы, до этого не обращавшие на меня никакого внимания, двинулись вперед.

пятеро инквизиторов с длинными мечами... Дело это пахнет очень плохо. Но почему я не испытываю ни тени сомнений? Сердце словно замедлило свой ритм, в голове прояснилось. Я уже видел, как убью их!

Рывок вперед. Бывший инквизитор замешкался, не успел поднять меча. Ох, не зря ближний бой прозвали “кошачьей свалкой”! Я бросился на него, сбивая с ног. Удар коротким мечом в горло буквально пригвоздил врага к земле.

Мысли, роившиеся в голове, внезапно выстроились в четкую последовательность.

“Двуручный меч мне явно пригодится”

Поднимаю с земли оружие. Делаю шаг к следующему противнику. Он закидывает меч на плечо и делает шаг вперед. Меч, уже отправленный в так называемый “удар гнева” летит в меня, стремясь разрубить наискосок от ключицы до печени. Меньше мгновения — и тело выдает единственно верную реакцию. Шаг в сторону с линии атаки, острие моего меча описывает дугу снизу вверх. Ужасающей силы удар приходится на клинок прямо перед гардой, острие же моего меча вонзается прямо в череп врагу.

Следующий уже бежит ко мне, держа свой меч одной рукой за рукоять, вторую положив на середину клинка. Направляя двумя руками свой меч, противник пытается заколоть меня в грудь. Шаг назад правой ногой, меч на правое плечо. Резкий шаг вперед правой ногой и одновременный взмах мечом наискосок. Длинный двуручный меч вонзается в плоть противника, дробя легкий доспех и останавливаясь где-то в районе грудной клетки. Рывок на себя, чтобы освободить клинок.

Следующий!

А вот и он, уже подобрался на дистанцию атаки, меч его направлен вниз, показывая иллюзию открытости и незащитности, но лишь рискни ударить по такому бойцу первым — и смерти не избежать. Принимаю защитную позицию, делаю несколько шагов назад, разрывая дистанцию. Одержимый инквизитор старается достать меня ударом снизу вверх — острие его клинка со свистом рассекает воздух прямо перед моим лицом. Продолжая линию удара, мертвый мечник разворачивает свое оружие над головой — и вот холодная сталь уже устремляется к моему виску.

Я поднимаю свой меч и встречаю его удар, и с шагом вперед наношу укол прямо в голову. Противник делает рефлексивный шаг назад. Хороший удар ногой под дых отправляет его на землю. Упавший противник — уже не противник. Добиваю его, вонзив ему в грудь свой меч.

Какой уже на очереди? Пятый? А вот и он, уже взмахнул мечом, чтобы снести мне голову.

“Пригнуться!”

Ухожу вниз и в сторону. Есть, удар не достиг цели. Самое время ловить его на контратаке! Бью ему в колено, перерубая ногу. Не издав ни звука, одержимый падает. Мой следующий удар добивает его, и труп снова отправляется на тот свет.

Теперь очередь за ведьмой!

Вскинув меч широкими шагами иду к ней.

— Пришла пора отправиться в ад, — кричу я ей.

— Разве? — она стоит передо мной, разведя руки в стороны.

Красные глаза-угольки смотрят мне прямо в душу. До нее меньше десятка шагов, еще чуть-чуть и я достану ее своим мечом!

Внезапно невероятная боль вспыхивает в моей голове, словно пытаюсь разорвать ее изнутри.

— На колено! — в тоне ведьмы слышатся нотки приказа. Да кто она такая, чтобы мной командовать!?

— Я сказала, на колено! — произнесла она громче. В ушах зазвенело, к горлу подступила странная тошнота и мои ноги словно перестали меня слушаться. Я рухнул на одно колено, двуручный меч упал к ногам колдуньи.

— Что... Что ты делаешь?

— Наверное, ты не знал, но с того дня в Белом Камне ты принадлежишь мне, — ласково произнесла она. — Быть может, сейчас ты с этим не согласен... Но скоро, поверь, очень скоро ты станешь тем, чем должен стать. Моим лучшим оружием. Все эти истуканы совершенно бесполезны, могут выполнять только один приказ. Но ты... Когда тьма в твоём сердце окончательно прорастет, когда ты, наконец, примешь ее, ты станешь великим!

— Я не позволю, — прохрипел я.

— Не позволишь? Отнюдь, дорогой, ты сам вырастишь тьму в себе. Ты ведь видишь, как силен ты стал? А ведь это только начало. Представь, какие дела ты смог бы вершить, если бы не испытывал страха, не чувствовал боли, не знал о сомнениях? Считай это моим подарком.

— Почему я!?

— Мне показалось, что ты достаточно силен для этого. Понимаешь, мало сильного тела. Нужен сильный дух, чтобы тьме было чем питаться. И у тебя все это есть.

— Зачем, зачем тебе все это? — рычал я, пытаюсь встать. Тело словно перестало меня слушаться.

— Я хочу мести. А зло желает уничтожить все вокруг. В некотором роде, наши интересы совпадают. Этот мир сгнил, и я очищу его!

— Ты обрекаешь всех на смерть...

— Да, именно это я и делаю. Никто больше не заслуживает жизни.

Она шелкнула пальцами и мое тело обмякло. Я рухнул на пыльную землю.

— Знаешь, мне тут нужно сжечь один город. Думаю, наша беседа закончена. Но знай, мы с тобой очень скоро встретимся. И эта встреча будет совсем другой.

Она весело рассмеялась и двинулась в сторону города. Войско одержимых пошло за ней следом, вновь утратив ко мне всякий интерес. Я видел, как десятки ног проходят мимо, но не мог пошевелиться. Я слышал, как замолк колокол. Я понял, что город погиб.

Сознание медленно, словно нехотя, возвращалось ко мне. Я будто плавно всплывал из глубины небытия. Первое, что я осознал — гнетущая тишина. Ни птиц, ни шелеста деревьев, ни звуков обыденной городской жизни... Молчало все. Потом я почувствовал запах. Нет, не так. Я ощутил смрад. Вонь горелой плоти, дыма, пыли накатывал на меня волнами. Сделав серьезное усилие, я открыл глаза и тут же зажмурился. Свет, слишком яркий свет! Выходит, я пролежал здесь всю ночь... Я ничего не смог сделать, просто провалился посреди поля до самого утра, пока в городе творился настоящий ад.

От таких мыслей в ушах застучало, а во рту почувствовался привкус металла, к горлу подступил ком.

Я вышел биться, вышел остановить колдунью, но вместо этого...

Что я мог сделать против ее магии? Она говорила, теперь я принадлежу ей? Выходит, что-то в этом есть. Ведьма ведь и вправду приказала мне встать на колено — и я, словно тряпичная кукла, выполнил приказание.

В голове звучали ее слова: “Ты станешь тем, кем должен. Моим лучшим оружием”

Никогда!

Собрав всю свою волю в кулак, я поднялся. Стоять было тяжело, к горлу то и дело подступали приступы тошноты, в глазах чуть рябило. Но это мелочи. Это пройдет. Главное, что я все еще способен стоять — а значит, способен и бороться. Я поднял забрало шлема — но это не помогло, сильно не хватало свежего воздуха. Тогда я рывком снял шлем, разорвав при

этом, кажется, подбородочный ремень. Воздух хлынул в легкие, а в голове будто бы слегка прояснилось.

Сперва нужно осмотреть город — быть может, кто-то уцелел. К тому же, ведьма не могла не оставить следов среди руин, а значит, я смогу узнать, куда она отправилась дальше. Что ж, это уже звучит как план... Подняв с земли лежавший неподалеку двуручный меч — моего короткого клинка нигде не было — я двинулся в сторону окутанного дымом Линденталя.

Дома выгорели, улицы завалены всяким хламом, будто кто-то пытался наспех соорудить баррикады. То тут, то там попадались обугленные тела — одежда на них сгорела полностью, лишенные век провалы глаз слепо пялились в небо, а выглядывающие из-под сожженных губ зубы напоминали вымученные улыбки. Не раз мне приходилось видеть такое раньше, не думал, что доведется снова.

Центральная площадь Линденталя стала, похоже, местом особенно ожесточенного сопротивления. На некоторых телах виднелись доспехи — стражники и инквизиторы принимали тут последний бой. Судя по всему, большинство мирного населения удалось эвакуировать — хоть какой-то повод для радости. Стало быть, у меня получилось спасти хоть кого-то.

Я стоял посреди площади и смотрел в пустые окна ратуши. Копоть вокруг окон почти закрыла собой красивые орнаменты, ярко-красные кирпичные стены словно разом потускнели. Теперь это просто один из многих сожженных домов.

А сколько таких еще будет?

Вчера у нас был шанс остановить ведьму. Если бы этот проклятый Прокуратор послушал нас, если бы послал гонцов с просьбой о помощи... Сколько жизней удалось бы спасти? Сколько бы храбрых бойцов не погибли напрасно, стараясь защитить обреченный город? А теперь их обгорелые трупы лежат на улицах совершенно зря — их жертва не замедлила колдунью ни на день.

У любой трагедии есть виновник. Есть виноватый и в этой.

В памяти всплыли картины: отец, сидя у камина, рассказывал нам — еще мальчишкам — истории. Одни пугали, другие восхищали. Но маленького Нильса больше всех завораживали сказки о Хэксенегерах, охотниках на ведьм. В стародавние времена, когда не было еще Инквизиции, когда еще сами королевства едва зарождались, уже тогда колдуны не давали спокойной жизни людям. И тогда самые смелые и отчаянные приносили клятву Охотника и вооружившись верным мечом, отправлялись искать и убивать ведьм и чародеев. Отец говорил, что все это было взаправду, что герои-охотники существовали. Они, ведомые гневом ли, мстостью ли за родных или ненавистью ко всему магическому, объявляли войну каждому колдуну и побеждали самых искусных из них. Охотники не судили — они несли возмездие.

В память о тех Охотниках во вновь образованной Инквизиции появились свои Охотники — слуги закона, направляемые Инквизиторами, расследующими и судящими.

Но закон не всегда равен справедливости. А приговор далек от воздаяния.

Маргаретт говорила мне, что наша основная задача — не карать виновных, а защищать окружающих. Но разве покарвав убийцу ты не спасешь десятки жизней? Может, каждому свое?

Я не хочу судить. Я знаю, кто виновен. Я жажду мести.

Глава 3

ГЛАВА 3

Маргаретт

Солнце уже окончательно поднялось, осветив небо ярким светом. Над горизонтом, в той стороне, где остался городок Линденталь, высился столб дыма. Было чертовски тихо, пахло гарью. Всю ночь я не смыкала глаз, глядя, как над лесом поднимается зарево пожара. Мы с отцом Фридрихом встали на ночевку неподалеку от дороги, чтобы в случае чего заметить Нильса. Сперва были только сплошные толпы беженцев, потом — небольшие группы солдат, едва передвигающих ноги. Ближе к полуночи тракт окончательно опустел. Я ждала, всматриваясь в темноту в поисках знакомого силуэта, но Нильс так и не объявился.

Священник тоже не спал. Кажется, я краем уха слышала, как он шепчет молитвы. Уж не знаю, слышали ли Небеса Но Линденталь этой ночью явно больше напоминал Преисподнюю. Думается, отцу Фридриху было едва ли легче, чем мне: второй раз наблюдать, как сгорают поселение и быть не в силах помешать или спасти кого-нибудь Судя по тому, что первых беженцев сопровождала стража, упорство Нильса помогло спасти немало жизней. А мы? Мы оказались всего лишь безмолвными наблюдателями без права вмешаться.

“Делай, что говорю, Маргаретт, я найду вас после.” Слова мужа, сказанные так резко и так жестко, все еще звучали в ушах. Нет, Нильс никогда не лез за словом в карман, но он никогда не был груб со мной. Хотя, может, это для моего же блага?

Но вот уже минула ночь, а он так и не пришел ко мне. Он всё ещё где-то там, в обращенном в пепел городе. И

— Светает, — прервал мои тягостные мысли отец Фридрих. — Нам пора выдвигаться.

— Но Нильс сказал ждать его, — начала протестовать я.

Я была готова спорить, упираться, но не оставить места стоянки. Конечно же священник начнет уговаривать меня уйти вслед за беженцами — так безопаснее для нас обоих, кто-то ведь должен доложить о ведьме.

— Прошла целая ночь, — он посмотрел мне в глаза. — Если Нильс не вернулся, то ему точно нужна наша помощь.

Подготовленные слова протеста буквально застряли у меня в горле. Кажется, отец Фридрих уловил мое секундное замешательство.

— Мы отправились в этот путь вдвоем, вдвоем его и пройдем. Вы ведь не сомневаетесь, что Нильс жив?

— Нет Разумеется, нет. Я бы почувствовала, если что не так.

— В таком случае, вперед. К тому же, я что-то смыслю в медицине, — ухмыльнулся он, припомнив мне мои слова.

Не медля ни минуты, мы тронулись в путь. За вчерашний вечер мы не успели далеко отойти от города — чуть больше четырех миль. До полудня оставалось еще несколько часов, когда мы приблизились к тому, что раньше звалось Линденталем, а ныне было огромным пожарищем. Я вновь почувствовала непередаваемый смрад горелой плоти вперемешку с золой и пеплом — как тогда, много лет назад, когда мы только познакомились с Нильсом. Всюду все те же обугленные доски, покрытые копотью кирпичи и зияющие пустыми провалами окон дома, превратившиеся теперь в пустые коробки.

— В последний раз мы виделись на площади перед ратушей, — сказала я, оглядевшись. — Он отправился с инквизиторами к окраине города.

— В таком случае, нам следует сперва осмотреться там. Только Маргаретт, ступайте тише и слушайте внимательнее: быть может, под завалами кому-то удалось выжить.

Мы шли по сгоревшему городу в полном безмолвии. До слуха доносился только шорох ветра на пустых улицах. То тут, то там попадались баррикады — последние узлы отчаянной

обороны города. И тела Не так много, как тогда, в Мутсберге, значительно меньше. Но разве легче от этого? Эти пустые провалы глазниц, лица, лишенные и волос, и губ, и ушей — почти черепа, черные, обугленные, в мелких кроваво-красных трещинах. Почти все — при оружии. Они бились тут до конца, давая беженцам покинуть город. Пожалуй, спасти и правда удалось почти всех.

Так мы и шли, глядя по сторонам и надеясь услышать хоть что-нибудь — стон, крик, зов о помощи — и не слышали ничего. Так было и в тесных жилых кварталах, и близ рынка и, конечно же, на площади перед ратушей.

— Нильса среди погибших на этой площади нет, — подвел итог священник после того, как обошел поле жестокой битвы. — Как нет и среди тех, что мы видели раньше.

— Надо осмотреть место первой стычки, — собрав волю в кулак произнесла я. — Если восстановим общую картину битвы, пойдем, где мог оказаться Нильс. Зная его, он держался бы с силами Инквизиции.

— Не любит стражу?

— Разная манера боя. И разные построения. Он предпочел бы более знакомое — в этом я уверена.

Судя по всему, битва за Линденталь началась буквально у стен домов западной окраины. Вот и то самое место — разбросанные трупы, примятая трава Нильса среди них нет!

— Была достаточно короткая схватка, потом Инквизиция начала отступать, — заключила я. — Похоже, толпа одержимых способна напугать даже бывалых.

— С чего вы взяли? — спросил Фридрих, подойдя ближе.

— Много зарубленных крестьян, но будто бы слишком мало для боя с серьезными профессионалами. К тому же, на площади было много тел бойцов из Инквизиции — значит, они отошли. — я продолжала осматривать поле боя, словно это было место преступления. — Только эти несколько тел лежат неестественно, да и раны

Мы с отцом Фридрихом склонились над ближайшим трупом инквизитора

— Вот эта рана на шее точно была смертельной, — указал он. — Похоже на рану от меча, но Крови нет. Обычно после такого все, что ниже раны буквально залито, да и на земле образуется заметная лужа, а тут — ни капли. Будто удар был нанесен уже после смерти.

— Зато вот этот укол в живот явно от вил, — подметила я. — И тут одежда пропиталась, как и должна.

Мы затихли. Слишком много вопросов.

— Он лежит лицом не в ту сторону. Будто напал, а не оборонялся, — заметил священник.

— И откуда у толпы одержимых крестьян меч?, — задумалась я.

— Выглядит так, будто его сначала убили, а потом зачем-то ударили в горло. Зачем? — так же вслух размышлял Фридрих.

— Падре, смотрите, вот этот тоже странный, — указала я на лежащего неподалеку инквизитора. — Тут мощный рубящий удар в висок, кости черепа раздроблены И снова ни капли крови! — удивился священник. — И снова он будто бы Был среди нападающих.

Мало информации. Может, удастся найти подсказку? По старой заученной привычке я пошла по спирали, все увеличивая охват и внимательно глядя под ноги. На третьем или четвертом витке неподалеку от первого тела обнаружился Меч моего мужа!

— Падре! Это меч Нильса! — едва не закричала я.

— Должно быть обронил его в рукопашной, — предположил священник. Рядом с первым трупом нигде нет оружия. А вон тот бедняга явно зарублен двуручным мечом — его едва не располовинило. И ни капли крови из такой ужасающей раны.

— Неужели Падре, насколько вероятно, что ведьма могла оживить уже погибших бойцов и направить их против Нильса?

— Не знаю Я читал легенды о подобном, но чтобы увидеть свидетельство этому в натуре Хотя, я не удивился бы и этому, зная, какое зло перед нами.

— Но другие трупы, вроде, без подобных признаков, — пожалала плечами я.

— Быть может, ее силы все же несколько ограничены. Заколдовать всякий сброд — это одно, а вернуть подобие жизни в несомненно мертвое тело — пожалуй, совсем другое. Тем не менее, придется иметь ввиду и это обстоятельство.

Мы осмотрели тела Инквизиторов — их было пять. Все убиты двуручным мечом Вернее, убиты повторно. Скорее всего, это был Нильс — об этом говорит его меч, явно утерянный в пылу боя. Почти весь оставшийся отряд Инквизиторов принял смерть на площади, на баррикадах бились уже стражники. Нильса среди них нет, значит, он не принимал участия в отступлении. Но как? Решил биться в одиночку? Крайне не похоже на него, особенно зная о ситуации. Где же он? Бежал? Спрятался? Не похоже на него, но тогда он совершенно точно жив!

Я вновь начала ходить по спирали. Пытаться найти следы в примятой сотнями ног траве — глупая затея, но сама мысль, что мой муж пережил весь этот ад, заставляла меня делать хоть что-то. И я делала свою работу.

Вдруг под ногами что-то блеснуло и пропало среди поросли. Другой бы не обратил внимания, но не я. Я тут же присела и принялась шарить по земле руками.

— Что-то нашли? — падре буквально подскочил ко мне.

Словно самый ценный трофей, я показала ему находку.

— Пряжка? — спросил Фридрихельм.

— Пряжка от подбородочного ремня. Я застегивала ее столько раз, что и не сосчитать! Это пряжка от подбородочного ремня, раздери ее боги! От его шлема!

— Он бился тут вечером, но в город, скорее всего не отступил. Вероятно, был ранен или оглушен здесь же. Раз его тут нет, он ушел на своих двоих, — начал подводить итоги Фридрихельм. — Вряд ли он просто ушел в лес. Скорее всего, он где-то в городе.

— Верно, падре! Он жив, и он в городе.

— Линденталь не так уж и мал

— Но и не так уж и велик, чтобы я не могла перевернуть его вверх дном!

* * *

— Кто здесь? — услышала я до боли знакомый усиленный эхом голос. За ним послышался звон стали.

Я, не помня себя от радости, рванула вперед. Не без труда я взобралась на очередную баррикаду и, наконец, увидела его.

— Нильс! Нильс, ты жив!

Мой муж стоял посреди небольшой площади на пересечении улиц, держа наготове двуручный меч. Буквально за мгновение на его лице переменилось несколько эмоций — от удивления и недоверия, до радости и нежности.

— Слава богу, ты цела! — он, наконец, опустил меч.

Нильс подошел к баррикаде и, приподняв бровь, воззрился на меня снизу вверх.

— Я ведь сказал уходить. Что ты здесь делаешь?

— Тебя ищу, разумеется. Не так-то просто отдавать мне приказы, да?

Он хотел что-то возразить, но промолчал. Подумав секунду, он протянул мне руку и помог спуститься.

— А где

— Я здесь, — не дал ему закончить отец Фридрихельм. Он как раз перебрался через ту же баррикаду и стоял теперь на ее вершине, отряхивая сутану.

— Вам попадался кто-нибудь — Нильс слегка замялся.

— Живых мы не видели, — покачал головой священник.

Повисло тяжелое молчание. Первым заговорил Нильс.

— Я попытался атаковать ее в открытую. Там, на поле Она даже не дала мне к себе приблизиться, просто свалила наповал каким-то очередным подлым трюком.

— Ты сделал то, что мог, — попыталась успокоить его я.

— Нет, я мог гораздо больше, — он горько вздохнул и отвернулся.

— Я не много понимаю в войнах, однако мне кажется, что мы слишком мало знаем своего противника, — осторожно вступил отец Фридрих. — Мы остро нуждаемся в информации. Городские архивы, увы, неполны и почти не содержат нужных нам сведений.

— И в чем же ваша идея? — решила поторопить священника я.

— Если чего-то нет в государственных архивах, это может быть в церковных. На счастье, до монастыря святого Витольда отсюда полдня пути. Если выдвинемся сейчас, то уже к закату будем там.

— Отлично, тогда не станем задерживаться. И очень надеюсь, что у монахов можно будет пополнить свои припасы.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда мы, наконец, добрались до ворот монастыря святого Витольда. За пару часов до этого начал накрапывать мелкий дождик, отчего мы все порядочно промокли. Надежда о теплом ужине и сухой келье грела меня — последний раз поспать на кровати нам довелось только в Белом Камне. Нет, я, разумеется, стойко переношу все тяготы и лишения — иначе не была бы инквизитором — но порой так хотелось остановиться где-нибудь хотя бы на несколько дней.

Отец Фридрих, казалось, все больше погружался в свои собственные раздумья. Он и так не был слишком многословным, но буквально с каждым шагом лицо его становилось все отрешеннее. Нильс же напротив — шагал широко и уверенно, будто и не чувствовал усталости и голода после многочасового перехода.

Ворота монастыря были закрыты. Не удивительно — монахи вообще любят отгораживаться от мира. Об этом напоминали и высокие крепостные стены монастыря, достаточные, чтобы держать осаду. Нильс приблизился к высоким — в два его роста — тяжелым деревянным створкам и несколько раз звучно ударил закованным в стальную перчатку кулаком. Спустя примерно полминуты — и еще пару ударов — за воротами послышались шаркающие шаги. Со скрипом отворилось небольшое окошко с решеткой, оттуда на нас взглянул привратник.

— Мы просим разрешения войти и остаться на ночь, — произнесла я.

— Монастырь не принимает путников, — нетвердо ответил привратник.

— Мы не просто путники. Мы из Инквизиции.

— Не положено.

— Королевским эдиктом вы обязаны впустить нас и оказать нам всякую помощь, о которой мы потребуем, — я уже начала закипать, однако сохранила стальную холодность в голосе.

— Настоятель не велел, госпожа Инквизитор, — словно взмолился привратник.

— Разве мог настоятель своим повелением оставить без крова путников, проходящих ночью по тракту? — отец Фридрих вышел вперед и поклонился. — И неужели он оставит путешественников без возможности помолиться в тепле?

— Братия Вся братия молится, святой отец.

— Такпусти же нас, мы присоединимся к молитве, — священник подозрительно прищурил глаза. — Если он сейчас не откроет, — прогудел Нильс.

Мы с отцом Фридрихом переглянулись. Да, монахи любят уединение, но не пустить на постой путников ночью в дождь? Отказать в проходе Инквизиторам? Судя по его взгляду, он думал о том же самом

— Именем Инквизиции, если вы тотчас не откроете, я уйду и вернусь на рассвете с отрядом, — я смотрела прямо в глаза привратнику, безошибочно угадывая в них страх. — И ни вы, ни ворота, ни сам архиепископ их не остановят.

Привратник горько всхлипнул и скрылся. Спустя еще несколько мгновений заскрипели засовы, и в воротах открылась небольшая дверь, пройти в которую можно было лишь согнувшись. Я взглянула на Нильса, потом на дверной проем. Он согласно кивнул и хищно осклабился. Неожиданно проворно для закованного в доспехи человека, он юркнул за ворота, оттуда послышалась неясная возня, впрочем, быстро затихшая.

— Именем Инквизиции, вы задержаны за попытку воспрепятствования, — донесся с той стороны чуть приглушенный голос Нильса. Только после этого через дверь прошла и я с Фридрихельмом.

Нильс грубо припер привратника лицом к стене, крепко удерживая его руки за спиной. Тот только скулил.

— Охотник, отпустите его, — отдала приказ я. — Надеюсь, теперь нашему сотрудничеству ничего не помешает?

— Нет Да, госпожа Инквизитор.

— Веди нас к настоятелю.

Монастырь святого Витольда оказался достаточно крупным: в темноте за пеленой дождя виднелся большой замковый двор, множество хозяйственных построек, трехэтажное кирпичное здание с кельями и, разумеется, немалых размеров церковь. Может, по причине позднего часа, а может, из-за погоды, на улице никого не было. Даже свет в окошках келий не горел.

— Я отведу вас в трапезную, — на ходу произнес привратник. — Там извольте ждать настоятеля.

Трапезная располагалась в небольшом двухэтажном здании, покрытом белой штукатуркой. Внутри было тепло и сухо, пахло хлебом и нехитрой монастырской едой. Привратник провел нас в главный зал и указал на один из длинных столов. Мы расселись на стоящие тут же жесткие лавки.

— Мягко говоря, странное место для ночной беседы с настоятелем, — произнес отец Фридрихельм, когда привратник ушел. — Не проще ли было вести нас сразу к нему? Ну или, на худой конец, побеседовать в церкви.

— Он же сказал, что вся братия молится — припомнила я. — Может, поэтому тут так тихо и пустынно.

— Это тоже странно, — продолжил рассуждать священник. — Всенощные бдения устраивают по крупным праздникам или знаменательным датам. В остальное время ночные службы не проводятся.

— Мне тоже тут не нравится, — вставил Нильс. — Не могу объяснить, но тут как-то Безнадежно.

— Что ты имеешь в виду? — я насторожилась.

— Когда там, на поле у Линденталя — он замялся. — Когда ведьма одолела меня, я чувствовал нечто подобное Но сильнее. Не знаю, как это описать.

— Тебе тяжело дался тот бой. — я попыталась прикоснуться к мужу, но он отстранился.

— Дело не в этом. Знаешь, будто эту безнадегу чувствую не я, будто это не мое ощущение, а навязанное извне. То что ты чувствуешь, не желая того.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Но готов ставить, что тут творится что-то неладное и ведьма каким-то образом в этом замешана.

Я хотела было расспросить Нильса подробнее, но в этот момент дверь в трапезную тихо скрипнула и в помещение вошел настоятель монастыря — человек весьма преклонных лет, чуть сгорбленный, шаркающей походкой он приблизился к нам и с некоторым трудом уселся на скамейку прямо напротив нас. Этот старик выглядел усталым, даже измученным, словно он не спал уже несколько суток и о чем-то беспрестанно волновался.

— Аббат Кристоаль Варнике, — представился он надломленным голосом. — Примите мои извинения за то, что не впустили вас и ваших спутников сразу, госпожа Инквизитор.

— Это нарушение кодекса, господин аббат, — холодно отозвалась я. — И меня интересуют причины такого нарушения.

— В монастыре все спокойно, — произнес он, опустив глаза. — Небольшое недоразумение. Брат Ульрих, наш привратник, неправильно истолковал мою просьбу не тревожить остальных во время ночной мессы.

— Ваше преосвященство, а по какому поводу проходит месса? — отец Фридрих встал и поклонился. — Я был бы рад присоединиться к молитве.

— Боюсь, это невозможно, — не поднимая глаз произнес аббат.

— Боишься Это верно, — четко произнес Нильс. — Госпожа Инквизитор, этот человек пытается что-то от нас скрыть. Я это чувствую.

Я взглянула на мужа. На лице его четко читалась неприязнь и некоторое удивление? Я чуть заметно мотнула головой в сторону двери. Нильс понял жест и грохоча доспехами вышел на улицу.

— Отец Фридрих, позвольте и вас на пару слов, — сказала я, кивнув. — А вы, господин аббат, оставайтесь на месте.

— Да как вы — старик внезапно осмелел и вскочил.

— Это мой приказ как Инквизитора. Напомнить вам об эдикте?

Он не ответил, лишь вздохнул обессилено и рухнул обратно на скамейку. Не теряя ни минуты, я вышла вслед за мужчинами.

Погода, и без того премерзкая, стала еще хуже: дождь усилился, поднялся ветер, а от дневного тепла не осталось ни следа. Нильс и Фридрих стояли на крыльце в тусклом свете фонаря и молчали, глядя на залитый водой и грязью монастырский двор. Я приблизилась к ним.

— У меня странное ощущение, — неуверенно начал Нильс. — Это не первая странность, которую я замечаю за собой, но Это пока самое необычное. Если говорить совсем кратко, то я буквально слышу, как бьются сердца у людей поблизости

Мы со священником удивленно воззрились на Нильса.

— Да, даже ваши. И Грета, помнишь, ты говорила, что когда человек лжет, его сердце бьется чаще и он чувствует страх? Так вот, сердце это старика колотится так, будто за ним гонится бешеный пес. Аббат лжет. Или пытается не выдать нам правду.

Воцарилась тишина. Слышно было, как крупные капли колотят по жестяным подоконникам монастырских окон.

— И давно это у тебя? — первым прервал молчание отец Фридрих.

— Со вчерашнего дня. После того как я После встречи с ведьмой.

Нильс выглядел подавленным. Мы столько раз сталкивались с чарами — от банальных деревенских заговоров до весьма мощных магических воздействий, но никто из нас никогда не испытывал ничего подобного на себе. Очевидно, эта ведьма была чем-то выходящим из ряда вон, но сама мысль о том, что мой муж подвергся заклятию откровенно пугала. К чему это приведет? Как это скажется на нем? Тогда, в подвале церкви, я так боялась, что он погибнет Теперь это чувство вновь вернулось ко мне.

— Мы здесь, чтобы найти ответы. — Фридрих словно понял, о чем я думаю. — Но сперва нужно разобраться, что за чертовщина тут творится. Потому как мне тоже как-то не по себе.

— Доверимся чутью Нильса. Кажется, это вполне может нам помочь, — предложила я.

— Господи, я превращаюсь в чудовище — Нильс отвернулся.

Мы с падре переглянулись, он едва заметно кивнул и скрылся за дверью.

— Нильс, эта тварь сделала что-то с тобой, — начала я. — Не ты чудовище, а она.

— Я не хочу. Не хочу, чтобы во мне что-то изменилось. Я видел, как колдуны сходят с ума, как сила развращает их Грета, я ведь стал другим! Я не сплю, не испытываю голода, а в руках моих такая сила, будто я способен завязывать узлом подковы. А теперь

— Не думай о том, кем ты становишься. Думай о том, кто ты есть, — я обняла его сзади, чувствуя щекой теплый металл его доспеха. — Ты в первую очередь мой муж. И что бы с тобой ни происходило, ты не превратишься для меня в чудовище. Я буду рядом.

— Грета, я Приглядывай за мной, хорошо? — его голос прозвучал почти жалобно. — Я чувствую злость, я хочу убить эту ведьму, жажду ее крови! Но я могу навредить невинным. Не дай мне покарать непричастных.

— Я буду рядом, — повторила я.

Мы постояли еще немного в тишине. Мерное дыхание Нильса словно убаюкивало меня. Казалось, нет вокруг ни монастырских стен, ни всех этих странностей, нет ведьмы и не было сожженного Линденталля и Белого Камня. Только я. Только он.

— Мне кажется, нам пора делать работу Инквизиции, — медленно произнес он. — Надо разобраться.

— Пожалуй Нильс, если вдруг у тебя возникнут какие-то предчувствия или ощущения — просто дай мне знать.

— Ведьмины штучки — недовольно протянул он.

— Ведьмины или нет, они могут помочь делу. Да и разве ты не хочешь повернуть против врага его же оружие?

— Весьма разумно, — он уверенно кивнул. — Пора провести допрос.

Фридрих

Я вернулся в зал трапезной и присел напротив аббата. Он молча и явно недовольно взглянул на меня, должно быть, ожидая, что я начну разговор. Нильс и Маргаретт что-то обсуждали на улице, однако я решил, что это вряд ли предназначено для моих ушей, потому оставил их одних. Я собрался с мыслями и хотел уже было задать вопрос, как вдруг громко хлопнула дверь и в зал вернулись Инквизиторы. Ни слова не говоря Нильс, чеканя каждый шаг по старым половицам прошел за спину аббату и замер каменным изваянием на границе пятна света от светильника. Маргаретт так же молчаливо подошла ко мне и уселась на скамейку рядом, оказавшись с настоятелем монастыря лицом к лицу. На несколько секунд повисло тягостное молчание.

— Господин аббат, нет ли у вас желания нам что-то рассказать? — голос Маргаретт был спокоен и вкрадчив, даже нежен. — Вас ведь наверняка что-то беспокоит.

— Почему вы так решили, госпожа Инквизитор? — произнес аббат после недолгого молчания.

— Ваш привратник не пускает путников на постой, даже несмотря на то, что путники из Инквизиции и находятся под защитой королевского эдикта. Вы принимаете нас не в своем кабинете, не в церкви, не в капитуле — вы среди ночи размещаете нас в трапезной и сами приходите сюда же. Вас не сопровождают секретари или помощники — только вы и привратник. Наконец, вы отказываете нашему спутнику, отцу Фридриху, в возможности присоединиться к молитве, — Маргаретт загибала пальцы. — Не то что бы я смыслила в монастырских обычаях, но я кое-что понимаю в протоколе, и беседы со столь высокопоставленным лицом, как аббат целого монастыря вряд ли должны проводиться так.

Варнике молчал, опустив глаза. На лице его то и дело сменялись выражения — от гнева до испуга и от возмущения до жалости к себе. Нильс за его спиной стоял недвижимо и едва заметно ухмылялся. Похоже, что все происходящее давно отрететировано и они с женой прекрасно знают свои роли. Стало быть, мне лишь остается быть бессловесным наблюдателем и не мешать. Не каждый день видишь, как работает Инквизиция.

— Ваше преосвященство, вы можете всецело рассчитывать на нашу помощь.

— В монастыре все в порядке, помощь не требуется. Спасибо гос

— Ложь! — прорычал Нильс со своего места

— Да как вы смеете обвинять меня во лжи!? — аббат вскочил, потрясая кулаком.

Нильс подошел ближе.

— Три дня назад сгорела деревня Белый камень. Вчера был сожжен Линденталь. В округе бродит ведьма с армией одержимых, — Нильс произносил каждое слово так, будто вколачивал гвоздь, — А ты что-то скрываешь.

— Господин аббат, эта ведьма действительно крайне сильна и опасна, — голос Маргаретт напротив звучал сдержанно и спокойно. — Мы точно не знаем, куда она могла двинуться. Поймите нас — все необычное кажется нам опасным. И если мы в силах помочь монастырю, то мы сделаем это. Если же нет — нам как минимум стоит знать, чтобы верно и вовремя доложить командованию.

— Я же говорю вам, братия молится, ничего необычного не произошло, — с жаром ответил Варнике.

— Ложь! — рявкнул Нильс, ударив по столу, отчего и я, и аббат вздрогнули. — Ты что-то скрываешь!

— Я ничего не

— Ложь! — охотник вновь ударил по столу.

— То, о чем вы не хотите говорить, находится в церкви? — Маргаретт уловила мимолетный взгляд аббата в сторону окна.

— Нет, там

— Ложь! — Нильс громко топая направился к аббату.

— Вы можете провести нас туда и показать?

— Это невозмож

— Ложь!

— Я не знаю, что произошло! — аббат рухнул на колени перед Маргаретт.

Нильс замер неподалеку, поймал взгляд жены и едва заметно кивнул.

— Я уверена, вместе мы сможем со всем разобраться, — она помогла аббату Варнике подняться. — покажите, и мы сделаем все возможное, чтобы решить проблему. Магические происшествия — часть работы инквизиции.

Аббат выпрямился и оглядел всех испуганными глазами. Руки его тряслись больше обычного, дыхание было сбивчивым.

— Прошу за мной, госпожа Инквизитор, — смиренно произнес он и двинулся в сторону выхода.

Я бросил взгляд на Нильса. На губах Охотника играла торжествующая ухмылка.

Мы быстро пересекли заливаемый дождем двор и поднялись на ступени церкви. Аббат остановился перед высокими — никак не меньше трех человеческих ростов — дверьми и в нерешительности замер. Его рука, уже взявшаяся за стальное кольцо, подрагивала. Прежде чем Маргаретт успела возмутиться, я подошел к аббату Варнике и аккуратно коснулся его плеча.

— Что бы ни было там внутри, лучше показать это нам, чем хранить в тайне. Просите, и дано вам будет.

Аббат обернулся и посмотрел мне в глаза. Кажется, мне удалось его несколько успокоить, ведь его сухих губ коснулась мимолетная улыбка. Он потянул за кольцо и дверь медленно, тяжело и почти беззвучно отворилась. Изнутри храма пахло воском, теплом и ладаном. Окинув своих спутников взглядом, я вошел первым.

Храм монастыря святого Витольда не был самым большим из виденных мной, не был он и самым древним. Однако, как и положено Божьему дому, он производил нужное впечатление: огромные своды и уходящие куда-то в темноту арки заставляли чувствовать благоговейный трепет. Тело, словно вмиг уменьшившееся, казалось теперь незначительным, ненужным,

неважным, ведь в глубине этого зала, освещенного тусклым светом сотен свечей ждала сила, которой совершенно неважно, кто ты и как выглядишь. В таких местах, как этот храм казалось, будто Бог если и не находится прямо здесь, то точно видит и слышит каждое колебание твоей души. На скамьях, расположенных слева и справа от неширокого прохода, неподвижно сидели братья-монахи. В звенящей тишине храма слышался треск лампад и шепот сотен губ, похожий на шелест листьев. Братия молилась.

За моей спиной раздался лязг металла — подкованные сапоги Нильса гремели по гладким каменным плитам пола. Но ни один из монахов не обернулся, не отвлекся от своей молитвы. Мы шли вперед, к алтарю, проходя мимо склонившихся обитателей монастыря, но никто даже головы не повернул. Только тихий шепот, только губы, раз за разом повторяющие знакомый текст. Я приблизился к одному из монахов и тронул его за плечо, но тот не шелохнулся. Он сидел, словно статуя, мышцы его были напряжены, а слова, хоть и верные, звучали пустыми, безжизненными.

— Ничто не может оторвать их от молитвы, — горестный голос аббата показался слишком громким под гулкими сводами церкви.

— И давно? — Маргаретт говорила шепотом.

— Уже три дня. Здесь все, кто был здесь на вечерней молитве, — ответил Варнике. — И с тех пор они только молятся без перерыва.

Меня вдруг пробрало холодом, будто налетел внезапный сквозняк. Я поежился и спрятал руки в рукава сутаны.

— Совпадает с появлением ведьмы и пожаром в Белом Камне, — так же тихо произнес Нильс, взглянув на жену. — Расстояние огромное, но мне кажется, будто это может быть связано.

— С чего ты взял? — Инквизитор подходила то к одному монаху, то к другому.

— Считаю это просто чутьем, — неуверенно ответил Охотник. — А еще все они чувствуют страх. Я бы даже сказал, они в ужасе.

Мы с Маргаретт посмотрели на Нильса. Он ответил на наши взгляды кивком, словно отвечая на незаданный вопрос: «Да, это те же ведьмины штучки».

Я приблизился к алтарю. Все как обычно — священные книги, образы, свечи. Мое внимание привлек небольшой, но богато украшенный реликварий — шкатулка, в которой обычно хранят нечто священное для монастыря. Прежде ничего о реликвиях монастыря святого Витольда я не слышал.

— Здесь все монахи? — спросила Маргаретт?

— Нет, госпожа Инквизитор. В основном, это молодые братья, присоединившиеся к нам недавно и не пропускающие ни одной службы. В сущности, проклятье миновало только трудников и тех, кто был занят в каких-либо делах и работах в монастыре.

Я огляделся. Образы святых смотрели на меня с витражей. Днем солнечные лучи, проходя через цветное стекло, должны были наполнять пространство храма волшебным светом. Сейчас по ту сторону стекла темнела промозглая ночь, отчего лики казались грозными и недобрыми.

— Надо осмотреть церковь. Раз чарам подверглись только те, кто был внутри — начал рассуждать Нильс.

— Не только, господин охотник, — горько перебил его аббат. — Несколько затворников находятся сейчас в таком же состоянии.

Нильс явно не понял о чем речь, и я поспешил ему объяснить:

— Затворники — это монахи, которые дали обет не выходить из кельи. Время они проводят чаще всего в молитвах.

Аббат Варнике утвердительно кивнул.

— Стало быть, заколдованы все, кто молился? — Нильс вздернул бровь.

— В нужное время мы все молимся. Просто те, кто в этот момент занят чем-то важным, произносят слова молитвы не отрываясь от работы, — аббат покачал головой. — И мы Оставшиеся Не знаем, чем им помочь. Даже не знаем, что вызвало их состояние.

— Ваше преосвященство, — вступила Маргаретт. — Мы приступим к детальному осмотру всего монастыря завтра утром. Всему этому должно быть объяснение — даже магическое — и мы его найдем.

— Уже знакомый вам привратник проводит вас к свободным кельям Вам ведь понадобится три?

— Две, если это возможно. Не хотел бы терять из виду жену, — Нильс усмехнулся.

— Возможно, — аббат кивнул. — В таком случае, доброй вам ночи и Бог в помощь. Если я могу быть чем-то полезным, обращайтесь в тот же момент. Надеюсь, вы спасете нас от этой напасти.

Аббат Варнике чуть склонил седую голову, я поклонился ему в ответ. Усталой шаркающей походкой древнего старика настоятель монастыря покинул храм.

— Разберемся с этим, а потом сможем получить ответы на интересующие нас вопросы, — подвела итог Маргаретт. — Думаю, здесь может быть информация. Или те, кто что-то знает.

Солнце только поднялось над монастырем святого Витольда, озаряя своим светом мокрые крыши. Мы условились начать работу с самого утра, и я уже ждал Нильса и Маргаретт на ступенях храма. Прохладный влажный ветерок трепал волосы и путался в полах сутаны, едва слышно шумел в ветвях деревьев и играл флагом на вершине башни. Идиллия Но мне было тревожно. Тревожно от этой гнетущей тишины, столь не свойственной населенным местам. Не звенел колокол, призывая братию к молитве, не пахло хлебом и дымом из окон трапезной. Только я один, да молчаливая громада церкви за моей спиной. До чего же все это неправильно!

Хлопнула дверь здания, в котором располагались кельи, и ко мне чуть торопливо направились Инквизиторы.

— Доброго утра, падре! — поприветствовала меня Маргаретт. Она выглядела на удивление свежей и отдохнувшей. — Простите, что заставили ждать

— Судя по всему, за ночь проклятие не исчезло А жаль, — произнес Нильс, осматривая монастырский двор. — Придется поработать.

— К сожалению, я не совсем понимаю, чем мог бы быть полезен, — я развел руками. — Ведьмы, магия, проклятия Никогда не имел дела ни с чем подобным, к своему стыду.

— Как и большая часть нормальных людей, — Нильс усмехнулся. Похоже, и у него настроение улучшилось. — Мы сталкиваемся с колдунами по долгу службы. А настоящий колдун — редкость. Поубавилось их за последнее время.

— Мы постараемся найти какие-нибудь следы магического воздействия. Надеюсь, ни у кого нет сомнений, что монахи впали в транс именно по причине колдовства? — Маргаретт серьезно посмотрела сперва на мужа, потом на меня.

— А что за следы? Мне ведь следует знать, что искать.

— Видите ли, падре, магия требует..., Некоторого материального воплощения, — начала свои объяснения Инквизитор. — Колдун не может просто щелкнуть пальцами и сотворить волшебство. Всегда есть необходимость соблюсти некоторый ритуал, некую последовательность действий, чтобы магия проявилась и обрела силу. Чары, действующие в определенном месте и сохраняющиеся длительное время мы в Инквизиции зовем проклятиями, им необходим Как бы это сказать Якорь. Какой-нибудь предмет, к которому будет привязан источник проклятия. Иногда якорем могут быть письмена или руны. В общем, вариантов масса.

— Говоря проще, падре, обращайтесь внимание на все необычное. — вмешался Нильс. — Если что найдете — дайте знать, мы с Гретой посмотрим внимательнее.

— И что же потом? Мы разрубим этот предмет мечом и проклятие падет? — с легким недоверием спросил я.

— Иногда так и происходит. Если колдун был не из особо умных — деревенская бабка какая-нибудь или ведун, — кивнул Нильс. — Но там и проклятия попроще, конечно.

— Сначала попытаемся определить источник, а потом решим, что делать дальше, — ответила Маргаретт. — Объясню позже, если будет интересно.

Такой расклад меня вполне устроил — простое задание для совсем ничего не понимающего в делах Инквизиции. Я с готовностью кивнул и огладил полы сутаны.

— Я и Маргаретт осмотрим территорию монастыря и кельи, — Нильс неопределенно махнул рукой себе за спину. — А вы осмотрите церковь.

— Да, полагаю, вам лучше известно, что и на каких местах должно быть, — подтвердила Маргаретт. — Как закончите, дайте знать.

На том и разошлись. Нильс и Маргаретт сразу разделились, разойдясь в разные стороны монастырского двора, а я, поднявшись по каменным ступеням и замер в нерешительности перед высокими дверями. Я снова машинально поправил сутану и, собравшись с мыслями, вошел в храм.

Внутри меня встретил все тот же исступленный шепот и запах масел. Ничего не изменилось за то время, пока мы спали. Разве что теперь в храме было заметно светлее — первые лучи солнца, пройдя через круглое витражное окно над алтарем, ложились цветными полосами на древние, помнящие тысячи ног плиты пола. Пылинки плясали в этих световых потоках свой причудливый танец, сверкая тысячами крошечных искорок, отчего ощущение некоторой нереальности, присущее только храмам и святым местам, лишь усиливалось. Искать здесь следы колдовства казалось Кошунственным. Тем не менее, я принялся методично осматривать колонны, прошелся по боковым нефам, даже поднялся к алтарю. Ничего необычного. Я снова и снова обходил храм, но всякий раз лишь убеждался — вряд ли то, что мы ищем, находится здесь. Вернувшись к алтарному столу, я засмотрелся на золотой реликварий. Вдруг за спиной раздался сдавленный кашель. Я испуганно обернулся и встретился взглядом с настоятелем Варнике.

— Пастор, — поприветствовал он меня сдержанным кивком.

— Господин аббат, — ответил я поклоном.

какое-то время мы просто молчали, глядя друг на друга. Он стоял в нефе, у первого ряда скамеек, где в своей странной молитве замерли монахи. Я смотрел на него чуть сверху, с возвышения алтаря.

— Прошу простить, мне следовало спросить вашего разрешения, — до меня вдруг дошла неуместность нашего положения, и я, едва не споткнувшись, спустился.

— Ничего страшного, — пожал он плечами. — Ваши спутники все равно переворачивают кверху дном монастырь И мне кажется, вы вместе найдете решение. По крайней мере, я в это верю. Не отвлекайтесь, прошу вас. Я просто Захожу сюда время от времени.

— Надеетесь, что чары развеются?

— Нет, просто хочу побыть с ними, — аббат обвел рукой молящихся. — Все они приходили сюда со своими бедами, печалью, грехами. Они приходили в монастырь в поисках искупления, прощения или покоя для своей души — и каждого в свое время я приветствовал лично. А сейчас я даже не знаю, чем могу им помочь.

Повисла пауза, но она не показалась мне неловкой. Кристобаль Варнике словно собирался с мыслями.

— Вы ведь знаете, отец Фридрих, что в монахи не уходят просто так. Каждый из этих людей искал покаяния и поддержки. Теперь же Вчера Охотник сказал, что они чувствуют страх. Эта мысль не давала мне покоя всю ночь. Прислушайтесь, о чем они молятся?

Я приблизился к одному из монахов. Руки его были скрещены на груди, а склоненную голову полностью покрывал капюшон, так что лица увидеть было невозможно. Я прислушался к словам.

— Моя вина, моя вина, моя величайшая вина — шептал он

— Это ведь “Конфитеор”, — удивился я, взглянув на аббата. — Покаянная молитва. Вернее, только ее часть.

— В точности так. Они молят о прощении вот уже четвертый день подряд — лицо аббата было скорбным.

“Конфитеор” читается в самом начале мессы, это молитва, в которой вся братия монастыря произносила покаянную речь о грехе и просила милости и прощения. Вот только это не просто молитва, это что-то вроде диалога между монахами и священником, проводящим богослужение. Меня осенило — что, если исполнить литургию так, как ей положено?

Охваченный волнением, я вскочил так быстро, что аббат отшатнулся. Под его удивленным взглядом я практически взлетел по ступеням алтаря, повернулся к молящимся и начал произносить слова:

— Исповедую Богу, святым, и вам, братья, что я согрешил много мыслью, словом и делом. Моя вина, моя вина, моя величайшая вина, — четко произносил я, каждый раз ударяя себя кулаком в грудь. — Потому прошу святых и вас, братья, молитесь за меня милостивому Богу нашему

Я замер. Сердце, забившееся в надежде столь близкой разгадки, казалось, пропускало удары, я забыл, как дышать. Секунды текли — одна, вторая, третья — ничего не происходило. От внезапного разочарования все внутри меня похолодело. И тут среди шепота я расслышал отчетливые слова, произносимые нараспев

— Да помилует тебя всемогущий Бог, и, простив твои грехи, приведет к жизни вечной.

Я открыл глаза — оказалось, что я зажмурился в самом начале — и увидел, как со скамейки, стоящей в первом ряду, поднимается монах. Он, будто сам еще не верил в происходящее, двигался медленно. Мужчина скинул капюшон и осмотрелся.

— Что произошло? — спросил он. — Этот кошмар Закончился так внезапно.

Я взглянул на аббата. Вид у него был такой, словно он узрел настоящее чудо.

Я сбежал по ступеням алтаря и кинулся к пробудившемуся монаху.

— Что Как? Почему только вы? — мне от волнения никак не удавалось сделать речь связной.

— Я услышал слова молитвы, которую обычно произносит священник в начале службы. Вот уже много лет ответ на нее прочитывал я, — взгляд монаха все еще был расфокусированным.

— Так вы помощник Министрант, верно? — вспомнил я давно забытые знания из семинарии.

Тот согласно кивнул.

— Господин аббат, — обратился я к настоятелю. — Я не могу быть уверен, но кажется, мы сможем найти способ развеять проклятие для всех. Прошу меня простить, но мне нужно найти Инквизиторов.

Забыв обо всяком этикете и достоинстве, я побежал к выходу из храма. Я нашел то, что искал. теперь дело за профессионалами!

Маргаретт

— Итак, падре, а теперь давайте по порядку и со всеми подробностями, — сказала я, присаживаясь на постель напротив священника. Его первоначальный рассказ был столь сбивчивым и непонятным, что я предложила собраться в отведенной нам с Нильсом келье и все обстоятельно обсудить.

— И это, отдышитесь немного, а то такое чувство, будто вы бежали сюда от самого моря, — произнес Нильс привалившись к небольшому комоду, отчего несчастный предмет мебели жалостливо заскрипел.

Фридрих несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, пригладил волосы и потеревил рукава сутаны собираясь с мыслями.

— Как вы и порекомендовали, — он кивнул в сторону Нильса. — Я искал в храме какой-нибудь необычный предмет или символ. Обошел храм несколько раз, но ничего не отыскал. Я уже хотел было уходить, как повстречался с аббатом.

— Смотрю, он нам не шибко доверяет, — рассмеялся Нильс, отчего комод заскрипел вновь. — За нами он тоже ходил, приглядывал.

— Мне он сказал, что время от времени заходит в церковь, чтобы взглянуть на молящихся, — падре пожал плечами. — Не думаю, что это важно. Важно то, что он мне сказал. Аббат заметил, что все монахи читают одну и ту же покаянную молитву, ту часть, где повторяются слова “моя вина, моя вина, моя величайшая вина”. Мне подумалось, что проклятье просто не позволяет им закончить обряд, и поэтому они погружены в этот транс. Мне знаком порядок исполнения богослужения и я решил исполнить все так, как положено. Кажу честно, не знаю, на что я рассчитывал. Но в итоге один из монахов пробудился — помощник священника, который вместе с ним каждую мессу прочитывает эту молитву.

— А остальные? — я заинтересованно подалась чуть вперед.

— Увы, без изменений, — отец Фридрих с досадой всплеснул руками. — Однако и случай пробуждения одного из монахов крайне интересен.

— Ну, это уже хоть что-то — мой муж неуверенно кивнул и посмотрел на меня. — Нам вообще ничего не удалось найти.

— Монах что-то сказал о том, что Как же “Этот кошмар внезапно закончился” — припомнил Фридрих. — Что объясняет, почему монахи чувствуют страх. Они, как мне кажется, видят кошмарные видения.

— Думаю, следует пообщаться с монахом, — я задумчиво закусила губу. — Его показания могут оказаться полезными.

— Вряд ли он знает много о том, что произошло, — возразил Нильс.

— И то верно. Однако, это единственный непосредственный участник событий, — рассудила я. — Остальные только наблюдали со стороны. Это все, падре?

— Из того, что случилось — да, — кивнул он. — Однако, мне хотелось бы высказать предположение.

— А вот и версии пошли, отлично, — Нильс азартно потер руки. — Как ты говоришь, Грета, дело сдвинулось с мертвой точки?

— Предположение довольно необоснованное — чуть стусевался Фридрих и скрестил руки на груди.

— Других у нас пока нет. Нужно с чего-то начать, — подтолкнула я его.

Отец Фридрих вновь замолчал, зачем-то подергал рукава.

— Что если путь к разрушению проклятия — выполнение какой-то работы? — осторожно начал он. — Сами посудите, монах пришел в себя, когда ситуация вынудила его Выполнить некоторое полезное действие

Я в задумчивости посмотрела в окно за спиной священника. Птицы стайкой кружились над шпилем церковной колокольни. Других предположений и правда не было, поэтому отвергать догадку отца Фридриха было бы неправильно. Стало быть, сперва стоит найти в ней сильные стороны. Что мы имеем? Монах действительно пришел в себя. Да не просто монах, а тот, в чьи непосредственные обязанности было ответить на молитву. Но разве молиться — не прямая обязанность всей братии монастыря? Противоречиво, но факты говорят сами за себя, очнулся только один.

Согласно показаниям аббата, в транс впали только те, кто находился в церкви, трудящихся монахов проклятие не коснулось. В точности показаний настоятеля можно не сомневаться, Нильс тогда прекрасно выбил старика из равновесия, так что тот не смог бы соврать,

даже если бы очень хотел. Хотелось бы сказать, что проклята сама церковь С таким мы стали кивались, было дело, это не сложная магия. Помнится, даже какая-то деревенская бабка умудрилась в сердцах наложить проклятие на свой собственный огород, в который за яблоками лазили местные мальчишки. Вот же история была Так, к делу!

Вариант с проклятием, привязанным к церкви, отпадает. Затворники из своих келий не выходили, но тоже попали под влияние чар — этот момент мы с Нильсом уже проверили, заглянули к каждому и внимательно осмотрели жилища. Дверь в комнату одного из таких затворников пришлось взламывать. Судя по всему, он надеялся после молитвы приступить к трапезе, но впал в оцепенение — мы нашли на столе изрядно прокисшую похлебку и затвердевший хлеб.

Значит, можно было бы предположить, что якорь проклятия — сам акт молитвы? Ну, такого мне видеть еще не доводилось, но почему бы и нет Хотя аббат утверждает, что молятся все — те, кто занят работой, просто читают молитвы между делом. Да и никто из трудников монастыря под колдовство не попал Интересно получается.

— Думаю, нам следует провести эксперимент, — наконец произнесла я. Все время, пока я думала, в комнате висела тишина. — Если падре прав, и проклятие действительно спадает в случае, если проклятый выполняет Как вы сказали?

— Полезное действие, — Фридрих кивнул.

— Если это так, то нам следует найти монахов, которые обычно выполняют в монастыре какие-то задачи и Вынудить их сделать привычное? Знаю, звучит пока нестройно и нелогично, даже глупо

— Если это глупо, но работает — значит, это не глупо, — уверенно рубанул Нильс. — К тому же, нам нужно снять проклятие, а не понимать, как оно устроено. С чего начнем?

— Нужно найти аббата и попросить его указать на нужных монахов.

— Тогда вы в храм, а я за стариком, — Нильс выпрямился. — Там и встретимся.

* * *

— Честно сказать, ваше предположение звучит несколько Странно, — попытался спорить аббат.

— У вас есть другие версии? — скептически посмотрела на него я. — Это может помочь. В худшем случае, все останется так, как было.

Я и не ожидала, что аббат беспрекословно подчинится — мужчины, а уж в особенности старики, никогда не принимали моих слов на веру и всячески пытались оспорить мои выводы. Обычно меня это не беспокоило: уверенность в собственных идеях давала мне сил, но тут сомневалась даже я. Однако, показывать этого было никак нельзя.

— Это наш келарь, — Варнике аккуратно коснулся плеча усердно молящегося мужчины. Я вопросительно посмотрела на отца Фридриха. Тот понял без слов.

— Он должен заниматься амбарами и продуктовыми складами, ведь так? — он обратился к аббату и развел руками. — Не уверен, все ли еще я силен в должностях у монашества

Варнике кивнул. Нужно будет поблагодарить падре — не уронил моего авторитета.

Что ж Если отталкиваться от идеи отца Фридриха, нужно подтолкнуть этого человека совершить свою полезную работу. Раз он обычно заведует амбарами, то, стало быть Ага, вот и связка ключей на поясе. Я аккуратно отстегнула увесистое кольцо и выбрала самый большой ключ — именно таким, как мне кажется, должен открываться амбарный замок. По крайней мере, так было у отца на мельнице.

Я взяла келаря за руку — это было непросто, мышцы были напряжены и словно одеревенели. С некоторым трудом я все же разжала его пальцы. Ну, надеюсь, отец Фридрих был прав. По крайней мере, это может быть правдой

— В амбаре завелись мыши, — произнесла я тихо над самым ухом молящегося и вложила в его широкую ладонь ключ. — Проверь припасы. если ты этого не сделаешь, то братия будет голодать. Им будет тяжело без тебя.

Келарь продолжал читать слова молитвы. Не вышло? Постойте-ка рука, казавшаяся каменной, стала мягче!

— В трапезной нет ничего, кроме пустой похлебки, — произнесла я. — Твоим братьям нужны силы, чтобы молиться и трудиться.

— Моя вина, моя вина, моя величайшая — он вдруг запнулся. — Нет, им нельзя быть голодными. Я не допущу.

Он с трудом открыл глаза и выпрямился. Лицо его, изрезанное старческими морщинами, казалось изможденным. На глазах келаря выступили слезы.

— Что Что случилось? Я заслужил прощение? — он перевел взгляд с меня на аббата.

— Расскажите, что вы видели, — отец Фридрих встал на одно колено рядом со мной. — Это был кошмар?

Монах посмотрел на Фридриха, сфокусировал взгляд. Казалось, будто разум его медленно возвращается из бездны.

— Это был ад. Истинная преисподняя. Господин аббат, отче, я грешен — он расплакался. — До монастыря я был алчен и завистлив, я проиграл в карты дом, потерял семью Там Они смотрели на меня. Жена, дети Они плакали, их слезы заливали комнату, я стоял на цыпочках по горло в их слезах, не в силах даже вдохнуть полной грудью, и молил, молил о прощении, молил о пощаде, но Я слышал женский крик. Женщина кричала мне, чужая женщина, она говорила, что мои молитвы не принесли плодов, что я не искуплю своих грехов и тысячелетием постов и обетов. Она кричала, что я сбежал в монастырь в попытке спасти свою жалкую душу, но мои молитвы бесполезны, ведь я Ведь я не помог никому делом, не облегчил страданий, не помог нести тяжкую ношу. Прости меня, отче, ибо я грешен! Я себялюбив и двуличен! Накажи меня, отче, ибо я заслужил наказание, ибо я жажду прощения! Дай мне искупить вину

Аббат стоял, пораженный увиденным и не вымолвил ни слова. Отец Фридрих решил вмешаться.

— Истинно говорят, что как тело мертво без духа, так и вера невозможна без дела. Иди и делай свою работу. Проверь припасы, отбери лучшее зерно, отнеси продукты в трапезную. Делай это для своих братьев — этим ты облегчишь их жизнь. Это твое наказание и твое спасение, твое искупление и задача: делать свое дело хорошо, не прося награды и благодарности.

— Да, отче, — монах-келарь порывисто схватил руку Фридриха и поцеловал. — Я сделаю Я буду

Пробужденный посмотрел на меня. Он помедлил буквально мгновение, я даже не успела ничего понять, как он вдруг заключил меня в объятиях. Нильс было дернулся в мою сторону, но я жестом свободной руки остановила его.

— Вы вывели меня из этого ада. Я буду благодарен вам до конца своих дней, я буду молиться о вас ежедневно!

Я аккуратно высвободилась и поднялась, взглянув в глаза аббату. Он отвел взгляд.

— Госпожа Инквизитор, простите мне мои сомнения.

— Вы имели на них полное право, — с достоинством ответила я. — Кажется, нам предстоит много работы.

— Честно сказать, я и не знаю, чем мог бы вас отблагодарить, — аббат замялся. — Вы спасли монастырь святого Витольда, иначе это и не назвать.

— Думаю, есть один способ — отец Фридрих хитро прищурился. — Как я уже говорил, мы идем по следу опасной, могущественнейшей ведьмы. Есть основания полагать, что подобное происходит не впервые. Нам очень нужен доступ в архивы монастыря. Полный доступ, разумеется.

— Помочь вам на вашем пути — меньшее, что я мог бы сделать для вас, — аббат Варнике утвердительно кивнул. — Наш армариус, хранитель библиотеки, тоже погрузился в сон, но с вашего позволения

Настоятель монастыря подошел к очередному молящемуся монаху и скинул с его головы капюшон. Такой же седой старик, как и аббат, армариус был бледен и измучен. Крестобаль Варнике присел перед ним.

— Брат мой Фабиус, очнись, ты очень нужен нам, — вкрадчиво произнес аббат. — Библиотека осталась без хранителя, а этим людям нужны книги, о которых знаешь только ты. Фабиус, открой книгохранилище, проведи наших гостей. Открой глаза, Фабиус, без тебя нам не справиться.

Армариус вдруг перестал читать молитву и медленно выпрямился, взглянул затуманенным, словно хмельным взором на настоятеля, затем на нас.

— Книги, Фабиус. Книги — это то, чем ты должен заниматься. Так возьми же за дело и на шаг приблизишься к искуплению грехов, — Варнике обнял его за плечи. Послышались сдавленные всхлипы.

— Да, господин аббат Как прикажете, господин аббат — библиотекарь старался сдерживаться, но голос его дрожал, тело била мелкая дрожь.

— Идите в хранилище, любые книги, любые документы в вашем полном распоряжении. Ищите так долго, сколько потребуется — я распоряжусь, чтобы к вечерней службе вам подали трапезу в ваших кельях, — Варнике поднялся, расправил плечи, отчего стал будто бы выше и моложе.

— Но остальные — я хотела было протестовать.

— Вы дали мне рецепт избавления. Позвольте мне самому пробудить свою паству, — он говорил твердо и уверенно.

— От меня в библиотеке толку как с козла молока, — Нильс почесал затылок. — Маргаретт, Фридрих, займитесь поисками. А я помогу господину аббату. Отставить эмоции, пора заняться работой!

* * *

Монастырская библиотека была поистине огромной. Книжные стеллажи поднимались на три этажа ввысь, их опутывала паутина деревянных мостиков и лестниц. Пожалуй, без хранителя мы не отыскали бы здесь ничего путного. Он провел нас по главному читальному залу, со всех сторон залитому проникающим сюда через высокие окна светом, через скрипторий, где монахи переписывали манускрипты, через лабиринт комнат и коридоров, один из которых привел нас в подземный архив. Здесь в тишине и прохладе хранилось то, что было не предназначено для чужих глаз. Кто знает, быть может, некоторые документы лежали тут нетронутыми добрую сотню лет

Армариус выложил перед нами стопки книг, где могла быть хоть какая-то интересующая нас информация. Мы с Фридрихом углубились в чтение. Часы текли, горели свечи, тихо шелестели страницы

— Кажется Не может быть, я нашел! — выдохнул отец Фридрих. — Год Это чуть больше шестисот лет назад.

Я подошла к священнику и взглянула в книгу через его плечо.

“В это лето явился миру колдун силы неопишуемой. Сожжены Штальхайм, Нойфурт, Торвиц-на-Менсе и иные меньшие города и селения, а так же и в сопредельных княжествах. Войско королевское всё разбито и в рабов колдовских обращено. По просьбе и настоянию Синода собрали новое войско, кое у Оренских холмов колдуна пленило.”

— Летописная книга? Не густо, — вздохнула я.

— Отнюдь. Теперь у нас есть уверенность, что наша ведьма — не полностью уникальный случай. К тому же, зная эти даты можно более подробно рассмотреть нужную литературу. Кстати, а вам что-нибудь попадалось?

— Да, здесь есть заметка о “Черном таинстве”... Сейчас — я перелистала несколько книг. — Вот оно. Согласно этой статье, колдун становится вместилищем невероятной силы, однако,

вызывает и сильнейшее проклятие. Если совсем кратко, то убийство самого колдуна ничего не даст — магическая сущность попросту переселяется в убийцу, делая его своим новым носителем.

— “Всё зло этого мира”... — вспомнил отец Фридрихльм цитату из книги, которую читал мне в подвале церкви. — Весьма точное определение Убивший злодея не уменьшает скорби, а лишь откладывает ее.

— Но зачем человеку, наделенному таким могуществом, разрушать все, до чего доберется? — я обессиленно упала на стул. — Ведь столько вариантов — захват власти, богатство, слава, наконец

— Думаю, злу, обретенному телесность, нет дела до чего-то столь мирского, как деньги и власть, — отец Фридрихльм потер лоб. — Я знаю, вы не склонны верить во всякие философские рассуждения о тьме и свете, но что если мы и правда имеем дело с настоящим злом, с первоначальным хаосом, единственная цель и смысл существования которого — разрушение? И пока оно просто существует в мире, будучи растворено среди бытия, оно не имеет такой силы. Однако, колдуны могут заставить его собраться в одной точке, сделаться столь концентрированным, что само это зло обретает сущность, оно стремится воплотиться — и захватывает разум того, кто призвал его.

— Я Я думала о чем-то подобном, — призналась я. — Не знала только, как выразить. Падре, я помню, какой была та ведьма Так, должно быть, и выглядят демоны. Она словно явилась из преисподней. Так что ваши философские догадки вполне могут оказаться суровой правдой.

Отец Фридрихльм встал и прошелся по небольшому помещению от стены до стены. Губы его были сжаты, взгляд опущен — он размышлял над чем-то и боялся произнести вслух очередную догадку. Взяв над собой верх, священник остановился и произнес:

— Тогда мы обречены Зло Изначальный хаос невозможно уничтожить. Победивший дракона станет драконом сам и продолжит нести разрушение.

Отец Фридрихльм буквально повторил мои мысли. Он был прав Ведьму нельзя просто казнить, это не изменит ровным счетом ничего. С таким мне не приходилось сталкиваться никогда в жизни. Но на кону стоит слишком многое: королевство, народ Нильс, мой дорогой и любимый Нильс, без которого мне трудно представить саму себя. Мне не будет покоя, пока ведьма, причинившая боль моему мужу, не будет наказана.

— Шестьсот лет назад колдуна как-то пленили, — рассудила я. — И судя по тому, что подобного не случилось за последние века, армии Синода удалось его нейтрализовать. Осталось узнать, каким образом. Падре, такое уже случилось, и тогда людям удалось взять верх. Значит, и наши шансы велики.

— Королевское войско было разбито одним колдуном! — вскричал он. — Скольких жизней победа будет стоить на этот раз!?

— Они не знали, что делать, у нас же есть пример из прошлого.

Я встала и подошла к склонившему голову священнику.

— Отец Фридрихльм, не позволяйте отчаянию захлестнуть вас. Ведь тот, кто отчаялся, уже побежден, — я положила руку ему на плечо.

Он сдержанно кивнул и поднял на меня глаза.

— Синод давно распущен, теперь церковью управляет Совет Иерархов. Вряд ли сохранились хоть какие-то документы Но нам известно, где был пленен колдун. Такие события оставляют шрамы — и на земле, и в человеческой памяти — даже сквозь столетия.

— Стало быть, мы идем к Оренским холмам?

— Стало быть, так, — отец Фридрихльм впервые хищно ухмыльнулся. — Теперь я начинаю понимать всю радость работы Инквизиции. Маргаретт, неужели мы взяли след?

Фридрихльм

Для верности мы изучили еще с десяток томов, любезно предоставленных армариусом. Ничего нового обнаружить не удалось, но и того, что есть, вполне хватало. Кажется, теперь у нас даже появился план. Когда мы с Маргаретт покинули библиотечное крыло, солнце уже закатилось за горизонт, оставив после себя только кроваво-красное зарево. Народная примета — завтра будет ветрено, но сухо. Что ж, это лучше, чем идти под проливным дождём. Теперь нам ни к чему оставаться в монастыре.

Спать мне отчего-то не хотелось, в отличие от Маргаретт — она, похоже, совсем вымоталась. Мы простились на крыльце здания с кельями. Я чуть побродил по пустому монастырскому двору, а потом решил зайти в церковь.

Храм, как и прежде, встретил меня теплом и ароматом благовоний. Скамейки в центральном нефе были пусты, не молились больше монахи, исступленно вымаливая прощение. Лишь горели свечи и лампы, мерным своим потрескиванием внушая спокойствие и ощущение чего-то незыблемого.

Я стоял у алтаря и рассматривал реликварий. Удивительной красоты шкатулка, точная и весьма тонкая работа...

— Должно быть, вас интересует, что внутри? — раздался за спиной голос аббата Варнике.

— Честно сказать, я и не знал, что у вашего монастыря есть реликвии, — ответил я, обернувшись и почтительно поклонившись настоятелю. Он точно так же поклонился мне.

— Это зеркало святого Витольда. Мы обрели эту чудесную вещь сравнительно недавно, около сотни лет назад. По преданию, оно явилось одному из странствующих монахов, он увидел его в дупле дерева в лесах близ Железных гор. Народная молва гласит, что именно там в последний раз видели и самого святого, прежде, чем он пропал.

— Если я не ошибаюсь, самому монастырю около семисот лет, — попытался вспомнить я.

— Истинно так, — аббат кивнул. — Зеркалу приписывают одно чудесное свойство. Говорят, если заглянуть в него, можно увидеть отражение собственной души.

— Вы заглядывали? — задал я весьма дерзкий вопрос.

— Нет, отец Фридрих, — Варнике покачал головой и печально улыбнулся. — Мне кажется, что на свете есть вещи, которых лучше не знать и не видеть. Это одна из них.

Мы немного помолчали. Теперь под сводами храма было действительно тихо, казалось, будто древние камни попросту поглощают звуки.

— Я хотел поблагодарить вас, отец Фридрих, — сказал наконец Варнике. — Сегодня в этом монастыре действительно случилось чудо. Отныне и впредь братия монастыря будет трудиться не покладая рук... Да что уж там, и мне, наверное, следует взяться за какое-нибудь дело. Воистину, чудны Его дела... Может, все это случилось для того, чтобы преподать нам столь важный урок?

Неясная горечь терзала меня изнутри. На мгновение сердце сжалось, будто его сдавили тисками.

— При всем уважении, ваше преосвященство, но я сомневаюсь, что весь этот ужас приключился только лишь для того, чтобы научить горстку монахов трудиться.

Варнике задумался, глядя мне прямо в глаза. Но отчего-то я не видел в его взгляде осуждения.

— Должно ли детям судить о планах учителя? И могут ли они размышлять о его добродетели после того, как получили хорошую трепку?

— Господин аббат, но ведь творятся ужасные вещи! По взмаху руки этой ведьмы горят деревни и города, гибнут люди... Зачем? Почему? Неужели Он надеется научить чему-то одних из нас, беспрестанно убивая других?

— Иной раз мы способны понять добро, лишь вкусив настоящего зла, — он обошёл меня и встал ближе к алтарю.

— Война, мор, голод... Эти напасти с нами столько, сколько существует род человеческий. И за все это время мы так и не научились избегать этого. Либо человечество — никчемный ученик, либо Господь — не самый талантливый учитель, — в сердцах бросил я.

— Мы не можем знать наверняка, отец Фридрих... — начал аббат. — Мир и правда жесток — и это причиняет боль не только вашему сердцу. Гораздо больнее то, что этот мир по большей части равнодушен. Мы судим о добре и зле, лишь опираясь на свою собственную мораль, которая, как и наша душа, заперта в теле. Но господь даровал нам право и возможность задавать вопросы — себе, миру, Ему самому. И только отвечая на них самостоятельно мы сможем чего-то достичь.

Аббат одну за другой задул свечи, стоявшие на алтарном столе. В воздухе запахло воском.

— Ваш путь еще не закончен. Я не могу сказать, что в конце вас будут ждать ответы, — сказал он утомленным голосом. — Но иногда вопросы и есть то, ради чего начинается путь. Идите вперед, отец Фридрих, и да благословит вас Бог.

Интермедия 1

Назначение:

Превотаж уезда Фюрстбург, прево Константин фон Альтбрюке.

Отправитель:

Город Линденталь, мастер-инквизитор Ингвар Фальке

СРОЧНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Господин прево, с прискорбием сообщаю, что город Линденталь был сожжен неизвестной ведьмой. Названная колдунья привела к городу армию одержимых крестьян числом не менее трех сотен человек и взяла Линденталь штурмом. Предыдущий руководитель сил Инквизиции в городе, прокуратор и мастер-инквизитор Дитмар фон Лихтенауэр, пал в бою, прикрывая отход остальных. Вместе с ним храбро погибла большая часть бойцов городского отряда.

Серьезных жертв среди мирного населения удалось избежать благодаря своевременным действиям командира городской стражи Курта Вальбека. Он получил информацию от неизвестного нам вексиллума Инквизиции, пришедшего со стороны деревни Белый Камень, полностью уничтоженной колдовской силой. На данный момент в Линдентале погибшими и пропавшими без вести числятся двадцать три человека из числа мирных жителей, тридцать семь Инквизиторов, двадцать восемь солдат стражи и пятеро добровольцев из пожарных команд.

Прошу направить новых бойцов в городской отряд Линдентала для его доукомплектования, а так же оказать всяческую помощь припасами и снаряжением.

Назначение:

Ландгерихт округа Бергланд, Главный Прокуратор Юлиус Цейтель

Отправитель:

Превотаж уезда Фюрстбург, прево Константин фон Альтбрюке

СРОЧНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Ваше превосходительство господин Главный Прокуратор! В вверенном мне превотаже произошел серьезный случай колдовства, повлекший за собой пожары, разрушения и гибель людей в городе Линденталь и деревнях и поселках вдоль Мраморного тракта, от Липовой долины до деревни Белый Камень. В данный момент ведутся работы по устранению последствий бедствия. Виновница — неизвестная и неучтенная ведьма — обладает заметными силами, до сих пор не задержана. Ведется следствие.

Прошу вас привести в готовность сопредельные с моим превотажи и предупредить их о высокой опасности названной ведьмы.

Копию доклада о потерях и разрушениях прилагаю к данному письму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.